

★ ДВА БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ! ★

Владимир БЕШАНОВ

Шапками закидаем!

ОТ КРАСНОГО БЛИЦКРИГА
ДО ТАНКОВОГО ПОГРОМА

1941 года

Владимир Бешанов

Шапками закидаем! От Красного блицкрига до Танкового погрома 1941 года

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633575

*Шапками закидаем! От Красного блицкрига до Танкового погрома 1941
года: Яуза, Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-44406-9*

Аннотация

ДВА БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ! Опровержение ключевых советских мифов о Второй Мировой. Сенсационное исследование начального периода войны – от «освободительного похода» Красной Армии в Европу до «ТАНКОВОГО ПОГРОМА» 1941 года. Хотя блицкриг заслуженно считается изобретением «сумрачного германского гения», в начале Второй Мировой Красная Армия доказала, что при благоприятных условиях также вполне способна вести «молниеносную войну» в лучших традициях Вермахта, устроив «КРАСНЫЙ БЛИЦКРИГ» в Польше, Прибалтике и Бессарабии. Именно после этого советская пропаганда ударилась в «шапкозакидательство»: мол, будем «бить врага на его территории!», «малой кровью, могучим ударом!», «чтоб от Японии до Англии сияла Родина

моя!»). Однако на самом деле даже при незначительном сопротивлении противника далеко не все шло так гладко, как хотелось бы, – только во время Польского похода РККА потеряла от поломок и неисправностей до 500 танков... Но настоящий «танковый падеж» случился два года спустя, страшным летом 1941-го, когда, несмотря на абсолютное превосходство в количестве и качестве бронетехники, наши танковые войска были разгромлены за считанные недели, наглядно продемонстрировав, что численное и техническое преимущество еще не гарантирует победы – гораздо важнее уметь эту технику грамотно применять. Автор доказывает, что именно некомпетентность высшего командного состава Красной Армии привела к страшным поражениям начального периода войны и колоссальным жертвам с нашей стороны.

Содержание

КРАСНЫЙ БЛИЦКРИГ	5
СГОВОР	13
ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД	32
Спор славян между собою	32
Белоруссия родная...	122
Конец ознакомительного фрагмента.	125

**Владимир
Васильевич Бешанов
Шапками закидаем! От
Красного блицкрига
до Танкового
погрома 1941 года
КРАСНЫЙ БЛИЦКРИГ**

«Свою задачу как министр иностранных дел я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И, кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей».
В.М. Молотов

Одной фразой всесоюзный пенсионер В.М. Молотов, вспоминая дела давно минувших дней, охарактеризовал суть большевистской внутренней и внешней политики, неизменной целью которой являлось создание Всемирной Республики Советов. Этой цели великий диктатор XX века И.В. Сталин посвятил свою жизнь без остатка, к ней он последова-

тельно и упорно двигался все годы. Ради нее творились беспредел коллективизации и чудеса индустриализации, грабились церкви и швырялся миллионами Коминтерн, продавалось масло и покупались пушки, проводились чистки и совершались рекорды, уничтожалась оппозиция и гнили на приисках «каэры», подписывались и разрывались союзы и договоры и, поскольку «свободное объединение наций в социализме» невозможно «без упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами», десятками тысяч производились танки и самолеты. Все остальное – призывы к миру, борьба за «коллективную безопасность», крики об обороне, – как говаривал Иосиф Виссарионович: «Вуаль, вуаль... Все государства маскируются».

Только через призму заветной Цели становится понятна логика предвоенных решений и поступков Вождя всех народов. В том числе смысл изменивших судьбу мира договоренностей с другим диктатором, злейшим врагом коммунизма – Адольфом Гитлером. Символом целого пакета документов, которые и сегодня не все доступны изучению, а возможно, уже и не существуют, стал советско-германский пакт о ненападении, подписанный 23 августа 1939 года.

Ученые мужи из Института всеобщей истории Академии наук СССР почти полвека восхваляли мудрость и дальновидность этого решения, позволившего, «опираясь на ленинские принципы внешней политики и используя межим-

периалистические противоречия, сорвать коварные планы поджигателей войны». Подписание пакта о ненападении «обнажило глубокий раскол в капиталистическом мире», позволило отсрочить германское нашествие и значительно отодвинуть на запад советскую границу, отчего безопасность страны сильно «укрепилась».

Не надо быть академиком, чтобы разглядеть перепевы сталинской версии. 3 июля 1941 года, оправившись от первого потрясения, вызванного «вероломством» агрессора, И.В. Сталин оправдывался перед «братьями и сестрами» именно этими аргументами: «Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном неременном условии – если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между СССР

и Германией является именно таким пактом. Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии».

Как мы «подготовили свои силы для отпора» – это отдельная тема. Но Иосиф Виссарионович и вправду оказался в выигрыше, передвинув границы СССР на 300–350 километров, «никого не задевая». Так ведь и Гитлер внакладе не остался.

Советско-германский «Договор о дружбе и границе», широко публиковавшийся в советской печати, после войны был изъят из оборота и ни в какие «истории» и энциклопедии не попал. К примеру, дипломатический словарь в подробностях описывает процедуру урегулирования конфликта, возникшего в 1924 году, «в связи с налетом германских полицейских на торгпредство СССР в Берлине», а договор о Дружбе не удостоился даже упоминания. Как и заявление Молотова о преступности войны с гитлеризмом. Существование тайных протоколов о разграничении сфер интересов между Третьим рейхом и «Родиной победившего пролетариата» нашими политиками, историками и дипломатами отрицалось категорически, с пеной у рта. Хотя на Западе о них знала каждая собака – американцы опубликовали архивы германского МИДа еще в 1946 году – и, «погрязнув в болоте фаль-

сификации, распространяли небылицы о договоре и целях Советского Союза». Какой академический, однако, стиль!

Одной из основных задач советской делегации на Нюрнбергском процессе, кроме разоблачения преступлений нацистов, было составление перечня тем, обсуждение которых «неприемлемо с точки зрения СССР» – дабы победители «не стали объектом критики со стороны подсудимых». Среди вопросов, «недопустимых для обсуждения в суде», выделялись следующие:

1. Отношение СССР к Версальскому мирному договору.
2. **Советско-германский пакт о ненападении 1939 года и все вопросы, имеющие к нему отношение.**
3. **Посещение Молотовым Берлина, посещение Риббентропом Москвы.**
4. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР.
5. **Советские Прибалтийские республики.**
6. **Советско-германское соглашение об обмене немецкого населения Литвы, Латвии и Эстонии с Германией.**
7. Внешняя политика Советского Союза, в частности вопросы о проливах, о якобы территориальных притязаниях СССР.
8. Балканский вопрос.
9. **Советско-польские отношения (вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии).**

То есть более половины запретных тем касались предвоенных договоренностей Сталина и Гитлера, которые коммунисты всех последующих поколений продолжали хранить «в строгом секрете».

«По теории психологической вероятности, – писал А. Авторханов, – преступник должен обходить то место, где он когда-то совершил памятное злодеяние. Так поступают и советские историки с «пактом Риббентропа – Молотова». Они его тщательно обходят, когда пишут о предпосылках нападения Германии на СССР. Обходят потому, что заключением этого пакта Сталин прямо-таки злодейски приглашал Гитлера напасть на СССР тем, что, во-первых, создал для Германии территориально-стратегические предпосылки, во-вторых, наперед снабдил Гитлера военно-стратегическим сырьем из запасов СССР, в-третьих, поспорил СССР с западными демократическими державами, желавшими заключить с СССР военный союз против развязки Гитлером Второй мировой войны. Пакт развязывал Гитлеру руки для ведения войны против Запада, да еще обеспечивал его жизненно важным для ведения этой войны стратегическим сырьем. Молотов должен был под видом «нейтралитета» поддерживать Гитлера политически, а Микоян под видом «торговли» – экономически».

Именно тесное и взаимовыгодное сотрудничество большевиков «с извергами и людоедами», связанными борьбой на Западе, и позволило Советской стране «обеспечить мир в

течение полутора годов». Когда все лимиты «дружбы» были исчерпаны, один поделщик, заподозрив другого в неискренности, дал ему по голове, и никакие «мирные соглашения» не могли ему помешать. Но Сталин-то рассчитывал на что-то другое.

До самой могилы всесоюзный пенсионер Молотов «обходил место преступления», утверждая, что никаких тайных протоколов не было. И только под конец, за восемь месяцев до смерти, терзаемый неустанно Феликсом Чуевым, неохотно бросил: «Возможно».

В бурные годы перестройки и крушения Мировой системы социализма протоколы нашлись. Новое поколение специалистов все того же института выяснило, что Сталин в принципе выбрал политически наиболее верное решение, но, перекраивая и передвигая границы, «грубо нарушил ленинские принципы советской внешней политики и международно-правовые обязательства, взятые СССР перед третьими странами». Вот уж действительно: «От ленинской науки крепнут разум и руки». Дескать, тайные протоколы, решающие судьбу других народов за них, – конечно, плохо, но сам пакт – несомненно, хорошо. Забывая о том, что без этих протоколов пакт для Сталина не имел смысла. Без протоколов он его и подписывать не собирался.

Некоторые современные исследователи истолковывают договор с Германией как циничный, но сугубо прагматический документ, мол, все так делали, и Сталин с Молото-

вым ничем не хуже в ряду других политиков того времени: «Жизнь намного разнообразней старых юридических формул, а межгосударственные договоры действуют до тех пор, пока это выгодно». По сути, это то же оправдание вероломства и агрессивности советской внешней политики, только с «реалистической» точки зрения и, кстати, ставящее знак равенства между нацистскими и большевистскими методами. А новым патриотам это ужасно не нравится.

Если помнить о Цели, Сталин все сделал правильно и первую партию с Гитлером разыграл безупречно. А неудобство все равно чувствуется. Суть его сформулировал Д. Кеннан: **«Она (Россия) пыталась остаться вне войны на основании сделки с теми, кто, прежде всего, ее вызвал, сделки, которая фактически ускорила и обеспечила ее начало и предусматривала дележ добычи с агрессором как награду за благосклонное согласие в агрессии».**

Ощущение, как будто во что-то вляпались. И запах неприятный остался, он до сих пор отравляет атмосферу отношений России с некоторыми из соседей.

СГОВОР

Крах Версальской системы, ознаменовавшийся подписанием Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 года, предвещал неизбежность очередного военного столкновения между великими державами, а также державами, исполнившимися решимости стать великими. Слишком многие из борцов за мир на самом деле страстно войны хотели: Германия, Италия, Япония, Соединенные Штаты и, несомненно, Советский Союз. Фюрер германской нации А. Гитлер, уверовав в стратегию «блицкрига», рассчитывал разбить своих противников поодиночке и обеспечить на тысячу лет гегемонию Третьего рейха. Скромный советский генсек И.В. Сталин и американский президент Ф. Рузвельт, которых война в Европе устраивала как нельзя более, – выбрать выгодный для себя момент и решить спор о влиянии в мире в свою пользу. Собственные планы имелись у японского микадо и итальянского дуче. Мир был обречен.

Категорически не желали воевать лишь Англия и Франция, рассчитывавшие политическими и экономическими уступками умиротворить Гитлера и канализировать германскую агрессию на Восток – и пусть арийцы до посинения сражаются с большевиками. Беда в том, что в интересы Адольфа Алоизовича не входило оказывать услуги западным демократиям. После оккупации Чехословакии на очереди сто-

ял польский вопрос, да и позор Версаля можно было смыть только в Компьенском лесу, хранившем мемориальную плиту с вызывающе наглой надписью: «Здесь 11 ноября 1918 года была побеждена преступная гордость Германской империи...»

В результате к началу 1939 года в Европе сложились два военно-политических блока: англо-французский и итало-германский, каждый из которых оказался заинтересован в соглашении с Советским Союзом, стремление которого играть хоть какую-нибудь роль в европейских делах ранее демонстративно игнорировалось. Официальная советская пропаганда того периода все капиталистическое окружение традиционно клеймила как лютых врагов «родины победившего пролетариата», а главные державы подразделяла на агрессоров (Германия, Италия, Япония) и пособников агрессии (Англия, Франция, США). Однако в Кремле быстро сориентировались в изменившейся обстановке, и 10 марта 1939 года (через пять дней германские войска займут Прагу) Сталин с трибуны XVIII съезда партии недвусмысленно указал, что «Антикоминтерновский пакт» на самом деле направлен не против СССР, а против Англии, Франции и Соединенных Штатов. Из контекста его речи следовало, что эти же страны, проводящие политику невмешательства, и являются истинными «поджигателями войны», мечтающими ослабить своих соперников, а затем «выступить на сцену со свежими силами». Отсюда – политика Советского Союза

должна состоять в том, чтобы и впредь укреплять деловые связи со всеми государствами, «соблюдать осторожность и **не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками**». Таким образом, было положено начало советско-германскому сближению.

В апреле 1939 года с различными лестными предложениями к Москве обратились одновременно Германия, Англия и Франция. Иосиф Виссарионович не торопился. Он получил возможность выбирать, с кем и о чем ему договариваться, поскольку теперь в переговорах с СССР оказались заинтересованы все «игроки». Назревавшая война открывала новые перспективы для усиления влияния Страны Советов в Европе. Поэтому нарком иностранных дел М.М. Литвинов, ориентируя 4 апреля советского полпреда в Германии об общих принципах советской политики, отмечал, что «задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позднее к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже заплатят».

Наступил период активных дипломатических игр.

11 апреля 1939 года Германия предприняла зондаж позиции СССР на предмет улучшения отношений – именно в этот день Гитлер утвердил «Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.». Советская сторона продолжала выжидать. В тот же день Лондон запро-

сил Москву, чем она при необходимости сможет помочь Румынии. 14 апреля Франция предложила СССР обменяться письмами о взаимной поддержке в случае нападения Германии на Польшу и Румынию и сообщила о готовности обсудить собственные предложения советского руководства. Тогда же Англия предприняла попытку убедить Москву сделать заявление о поддержке своих западных соседей в случае нападения на них. В ответ 17 апреля Советский Союз предложил англо-французам заключить договор о взаимопомощи. Впрочем, одновременно полпред в Берлине А.Ф. Меркалов посетил статс-секретаря Министерства иностранных дел Эрнста фон Вайцзеккера и между делом заявил: «Идеологические расхождения... не должны стать камнем преткновения в отношении Германии... С точки зрения России нет причин, могущих помешать нормальным взаимоотношениям с нами. А начиная с нормальных, отношения могут становиться все лучше и лучше».

29 апреля Париж выдвинул идею о взаимных обязательствах трех стран на случай войны против Германии. Но в Кремле все больше теряли интерес к этим никакой конкретной выгоды не сулящим предложениям. Тем более что цель «приостановить агрессию в Европе» никоим образом не соответствовала большевистской доктрине, не для того товарищ Сталин тяжело трудился, превращая страну в «базу пролетарской революции». Он хорошо усвоил заветы Ильича: «Окончательно победить можно только в мировом масшта-

бе... Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит». Сам Иосиф Виссарионович прекрасно понимал, что Марксов «социализм» в отдельно взятой стране без наличия «международной революционной перспективы» обречен, и «в случае оттяжки победы социализма в других странах... советская власть разложится, партия переродится». Как раз в апреле 1939-го начальник Политуправления Красной Армии комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис растолковывал пропагандистам Киевского военного округа основы «мирной политики» партии: «Если попытаться кратко, но доходчиво, чтобы поняли широкие массы, сформулировать суть сталинской теории социалистического государства, то надо сказать, что **это есть теория ликвидации капиталистического окружения, то есть теория победы мировой пролетарской революции**... Рабоче-Крестьянская Красная Армия, интернациональная армия по господствующей в ней идеологии поможет рабочим стран-агрессоров освободиться от ига фашизма и ликвидирует капиталистическое окружение...»

Тем более глубокими становились реверансы Москвы в адрес Берлина.

3 мая неожиданно для всего дипломатического корпуса Сталин сместил увлеченного переговорами с британцами наркома иностранных дел М.М. Литвинова по его «соб-

ственной просьбе». Назначение на этот пост члена Политбюро ЦК ВКП(б) и председателя Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотова, «наиболее близкого друга и ближайшего соратника вождя» (не еврея – акцентировал германский посол граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург), немцы однозначно трактовали как признак смены внешнеполитического курса. Тем более что советские полпреды невзначай интересовались у германских коллег, «приведет ли это событие к изменению нашей позиции в отношении Советского Союза». 17 мая советник посольства в Берлине Г.А. Астахов в интимной беседе с заведующим Восточно-Европейской реферантурой Юргеном Шнурре заметил, что «в вопросах международной политики у Германии и Советской России нет никаких причин для трений между двумя странами». Он также «коснулся советско-германских переговоров в том смысле, что при нынешних условиях желательные для Англии результаты вряд ли будут достигнуты».

И в самом деле, переговоры Англии и Франции с СССР, длившиеся пять месяцев, закономерно зашли в тупик. Обе стороны патологически не доверяли другу и не желали связывать себя конкретными обязательствами, погрязнув в тонкостях протокола и толкованиях норм международного права. Одновременно они втайне зондировали Берлин на предмет улучшения отношений, раздела «сфер интересов» и невмешательства в дела. К тому же западные партнеры не слишком опасались Вермахта и были невысокого мнения о

боевой мощи РККА. Еще одним камнем преткновения стала Польша, которая громогласно отвергала любой союз с Москвой, требовала гарантий от Запада, проводила частичную мобилизацию и при этом тайно льстилась к Берлину.

«Как проститутка – да извинят меня присутствующие здесь женщины, – иронизировал с трибуны проводник сталинских мыслей в массы Мехлис, – переходит из рук в руки, так Польша отдавалась то Франции, то завязывала серьезный роман с Берлином. Сейчас польская мадам объявила, что она заняла твердую позицию и ищет серьезного партнера, обязательно со средствами. Посмотрим, что выйдет из этого».

Англичане бомбардировали Берлин предложениями о сотрудничестве и разделе «сфер интересов», обещая прекратить переговоры с СССР и в то же время шантажируя немцев самым фактом переговоров – все в духе традиционной британской политики вечных интересов. «Англия – это профессиональный поджигатель войны, но двурушник, но ловкий двурушник, – вещал Мехлис. – Ее политика проста – уничтожать своих вероятных противников чужими руками, втягивая их в войну с кем угодно, особенно с Советами, а я приду к концу самым сильным и буду диктовать».

Фюрер уже твердо решил, что частные английские уступки в принципе проблемы не решают и для завоевания гегемонии в Европе нужна небольшая победоносная война: «Необходимо применение вооруженной силы прежде, чем

произойдет последнее крупное столкновение с Западом. Нужно испытать инструмент войны». На майском совещании с руководителями Вермахта Гитлер предупредил генералитет: «Национальное объединение немцев, за немногими исключениями, осуществлено. Дальнейшие успехи без кровопролития достигнуты быть не могут».

Но для претворения немецкой мечты – разгрома Франции и «расплаты с пожинаателями плодов Версальского диктата» – требовалась покладистая Польша, которая, однако, не изъявила желания поступиться своим суверенитетом и пристегиваться к германской упряжке (нет, поделить с немцами Советскую Украину в Варшаве были бы и не против, но на условиях равноправного партнерства; только зачем Рейху под боком еще польская империя). Поэтому с нее и решили начать. «Польша всегда будет стоять на стороне наших врагов, – убедился Гитлер. – Несмотря на соглашение о дружбе, в Польше всегда существовало намерение использовать против нас любую возможность... Первоначально я хотел установить с Польшей приемлемые отношения, чтобы потом начать борьбу против Запада. Однако этот импонирующий мне план оказался неосуществимым, поскольку изменились существенные обстоятельства. Мне стало ясно: при столкновении с Западом Польша нападет на нас в неблагоприятный для нас момент». Чтобы обеспечить успех задуманной акции, следовало Польшу политически изолировать, обеспечить невмешательство в германо-польский конфликт

Англии и Франции, а на случай их выступления обеспечить себе тыл и снизить угрозу экономической блокады договором с Советским Союзом. В общем, нужно было сговариваться с «послезавтрашним врагом», со Сталиным.

29 июля 1939 года Берлин предложил Москве учесть советские интересы в Прибалтике и Восточной Европе в обмен на отказ от договора с Францией и Англией. Ну, ей-богу, что они могут реально обещать: «Самое большое – участие в европейской войне, вражду с Германией, но ни одной устраивающей Россию цели. С другой стороны, что можем предложить мы? Нейтралитет и невовлечение в возможный европейский конфликт и, если Москва этого пожелает, германо-русское понимание относительно взаимных интересов, благодаря которому, как и в былые времена, обе страны получают выгоду». Ежедневно в Кремле читали донесения Астахова (кстати, оказался мерзавцем и польским шпионом, пришлось стереть в лагерную пыль): «Конфликт с Польшей назревает в усиливающемся темпе; решающие события могут разразиться в самый короткий срок... Германское правительство, исходя из нашего согласия вести переговоры об улучшении отношений, хотело бы приступить к ним возможно скорее».

Сталин, опасавшийся англо-германского сговора, весьма заинтересовался этой идеей. Он трезво оценивал обстановку и считал более выгодным подписать соглашение с Германией, чтобы выторговать свою долю, обеспечить Гитлеру «зе-

ленный свет» в войне с Западом и самому «прийти к концу самым сильным».

В самом деле, вариантов было не так уж много и выбор был ясен. Либо защищать идеологически чуждые парламентские демократии и откровенно враждебную Польшу, ничего не получая взамен. Либо договориться с Германией и в союзе с ней запустить процесс «отпадения от империализма ряда новых стран», для начала ближайших соседей. (Собственно говоря, решение созрело еще во время Чехословацкого кризиса, когда «вождю народов» ясно дали понять, что ему отводится лишь роль статиста на подмостках большой европейской политики. Так, 4 октября 1938 года заместитель наркома внутренних дел В.П. Потемкин в беседе с французским послом в Берлине обронил, что в сложившейся ситуации единственным выходом для СССР может оказаться раздел Польши во взаимодействии с Германией.)

19 августа Берлин получил текст советского проекта будущего соглашения. С постскриптумом: «Настоящий договор вступает в силу только в случае одновременного подписания специального протокола по внешнеполитическим вопросам, представляющим интерес для Высоких Договаривающихся Сторон».

Через четыре дня в Москву прилетел «супердипломат» Иоахим фон Риббентроп, и в ходе переговоров со Сталиным и Молотовым в ночь на 24 августа были подписаны стандартный пакт о ненападении (хотя достаточно курьезен сам факт

подписания договора о «неагрессии» между государствами, не имеющими общей границы, – пока) сроком на десять лет (в Лондоне в этот же день безуспешно ждали прилета Германа Геринга с аналогичной миссией) и, самое главное, дополнительный протокол к нему, определивший советскую часть «пирога»:

«При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся представители обеих Сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы интересов Германии и СССР. При этом заинтересованность Литвы в районе Вильно признается обеими Сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, является ли желательным в обоюдных интересах сохранение Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно ре-

шен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. Германская сторона ясно заявляет о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Данный протокол будет сохраняться обеими Сторонами в строгом секрете».

Военные делегации Англии и Франции покинули Москву ни с чем.

По мнению Троцкого, кроме всего прочего: «Союз с Гитлером давал Сталину удовлетворение того чувства, которое господствует у него над всеми другими: чувства мести. Вести военные переговоры с наци во время присутствия в Москве дружественных военных миссий Франции и Англии, обмануть Лондон и Париж, возвестить неожиданно пакт с Гитлером – во всем этом ясно видно желание унижить правительство Англии, отомстить Англии за те унижения, которым оно подвергло Кремль в период, когда Чемберлен развивал свой неудачный роман с Гитлером».

Да что говорить, Адольф Алоизович и в самом деле человек был симпатичный, понятный, не то что всякие Даладые. И какая близость мировоззрения: «Те, кто утверждает, что революция не закончена, – дураки. К сожалению, у нас в движении есть люди, которые понимают под революцией посто-

янный хаос... Главное – подбор людей способных и со слепым повиновением претворяющих в жизнь правительственные распоряжения. **Партия – это своего рода орден...** Фюрер должен быть один... Сплоченность внутри движения должна быть небывало крепкой. Мы не имеем права вести борьбу между собой... Поэтому никаких ненужных дискуссий!» А как лихо фюрер организовал своим «старым борцам» «ночь длинных ножей»! Что ни говорите, Гитлер – «великий стратег революции». Риббентроп позднее вспоминал, что среди кремлевских большевиков чувствовал себя, как в кругу старых партийных товарищей.

Неудивительно, что западные политики тем более не видели особой разницы между германским фюрером и советским Генеральным секретарем. На их взгляд, «Россия Сталина никогда не была подходящим партнером для Запада в деле сопротивления фашизму. В эти годы Россия сама являлась местом кошмарных оргий современного тоталитаризма... Ее цели не соответствовали целям западной демократии».

Оба диктатора остались довольны собой и друг другом. Весьма.

«Теперь весь мир у меня в кармане!» – стучал кулаком по столу Гитлер. Он уже отдал приказ о нападении на Польшу. «Кажется, нам удалось провести их», – удовлетворенно произнес Сталин. Он уже подсчитывал политические бары-

ши.

Советскому Союзу удалось остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Европе, широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах и возможность при этом свалить вину за срыв переговоров на Лондон и Париж. Кроме того, удалось посеять серьезные сомнения относительно германской политики у японцев, которых ошарашил сам факт заключения договора без консультаций с участниками Антикоминтерновского пакта. И самое главное – «одна из ведущих держав мира признавала международные интересы Советского Союза и его естественное желание расширять свои границы». Ради этого «интереса» все и затевалось.

Сегодня говорят, что текст секретного протокола формально не содержит каких-либо агрессивных намерений – совершенно безобидный документ. Дескать, Сталин не мог знать, что Гитлер нападет на Польшу, фюрер и сам этого не знал, надеясь урегулировать конфликт мирным путем. Оно, конечно, так. Всегда предпочтительнее получить желаемое даром, к примеру, как в Мюнхене. Если бы поляки пошли на уступки, возможно, немцы на них и не напали бы. Но британские гарантии сделали невозможным мирное урегулирование, а соглашение с СССР было заключено именно на случай войны, с целью обеспечить Третьему рейху благоприятные условия для достижения победы. Риббентроп еще собирал чемоданы, а Гитлер уже объявил на совещании высших

чинов Вермахта: «Противник все еще надеялся, что после завоевания Польши Россия выступит как наш враг. Но противники не учли моей способности принимать нестандартные решения... Я был убежден, что Россия никогда не пойдет на английское предложение. Россия не заинтересована в сохранении Польши... Четыре дня назад я предпринял особый шаг, который привел к тому, что вчера Россия ответила, что она готова на заключение пакта. Таким образом, я выбил из рук западных господ их оружие. Польшу мы завели в положение, наиболее удобное для достижения военного успеха... Нам нечего бояться блокады. Восток поставляет нам пшеницу, скот, уголь, свинец, цинк. Боюсь только одного: как бы в последний момент какая-нибудь свинья не подсунула мне свой план посредничества... На первом плане — уничтожение Польши».

В письме от 25 августа фюрер, не скрывая облегчения, сообщал Муссолини: «Могу сказать Вам, Дуче, что благодаря этим соглашениям гарантируется **благожелательное отношение России на случай любого конфликта** и то, что уже более не существует возможности участия в подобном конфликте Румынии!.. Я уверен, что могу сообщить Вам, Дуче, что благодаря переговорам с Советской Россией в международных отношениях возникло совершенно новое положение, которое должно принести «Оси» величайший из возможных выигрышей».

Так что Гитлер знал, что делал, заключая «пакт с сата-

ной». И товарищ Сталин был ничуть не дурнее, все прекрасно понимал. Это подтверждает, в частности, Н.С. Хрущев: «Тут же Сталин рассказал, что согласно договору к нам фактически отходят Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия и Финляндия таким образом, что мы сами будем решать с этими государствами вопрос о судьбе их территории, а гитлеровская Германия при сем как бы не присутствует, это будет сугубо наш вопрос. Относительно Польши Сталин сказал, что Гитлер нападет на нее, захватит и сделает своим протектором. Восточная часть Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу».

О том, что подписан был не рядовой документ, свидетельствует и тот факт, что Сталин, не занимавший официально никаких государственных постов, впервые лично вел переговоры с иностранными дипломатами. Собственно говоря, это и был его личный договор с Гитлером: дополнительный протокол был изъят из процедур ратификации, о его существовании не были информированы ни правительство, ни Верховный Совет СССР, ни ЦК ВКП(б).

Прошла всего неделя, и в Польше начались территориальные и политические «преобразования».

В качестве последнего аргумента Англия 25 августа подписала с Польшей договор о взаимопомощи. Как все приличные страны, с тайным протоколом, определявшим общего противника – Германию, и с обозначенными «сферами влияния». Дальнейшие уступки означали для Лондона и Па-

рижа добровольный отказ от статуса великих держав. Гитлера это не остановило, он полагался на собственный, как всегда, гениальный анализ ситуации: «Стало ясно, что богатые государства от войны мало выигрывают, но могут потерять очень многое, что каждому государству придется нести потери, что даже в случае выигранной войны силы победителя иссякают... В целом Англия находится на той же стадии развития, на какой мы были в 1934 году. Франция подобна слабосильному человеку, который, однако, несет на спине и пулемет, и пушку. Малы контингенты призывников; уже давно срок службы – только один год. Вооружение также не в идеальном состоянии. Военный потенциал в целом ограничен». Вывод: при любом раскладе «немедленная помощь Восточному фронту путем англо-французских мероприятий невозможна». В конце концов, заявил фюрер на совещании в Оберзальцерберге, кто не рискует, тот не пьет шампанского: «Не существует ни политического, ни военного успеха без риска». Ко всему прочему, на случай конфликта с Англией, «нейтральный» Сталин пообещал ему укрыть в северных портах СССР находящиеся в Атлантике германские суда.

1 сентября 1939 года Вермахт вторгся в Польшу. Через пару дней выступили Англия и Франция.

Вторая империалистическая война началась. Все шло по сталинскому плану. В беседе с руководством Коминтерна 7 сентября Вожь так оценил сложившуюся обстановку: «... война идет между двумя группами капиталистических стран

за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран. Гитлер, сам этого не понимая и не желая, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент – подталкивать другую сторону». Что касается Польши, то «...уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население». Понятно, что подобные цели советской внешней политики не афишировались, наоборот, было сделано все, чтобы убедить мировое общественное мнение в том, что Советский Союз строго придерживается позиций нейтралитета и только сильно озабочен собственной безопасностью.

Таким образом, складывалась ситуация, о которой с 1917 года мечтали большевики. Пусть они «хорошенько подерутся». А дальше: «На стальных штыках и ворошиловских залпах, на могучих крыльях Советов мы понесем освобождение рабочему классу капиталистических стран и водрузим знамя коммунизма на остальных пяти шестых земного шара!»

Коммунистам жизненного пространства требовалось на-
много больше, чем нацистам.

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД

Спор славян между собою

Между поляками и русскими издавна существовала традиция взаимного недоверия. «Для поляков было всегда невозможно добиться политических гарантий от любых своих соседей, – указывает А. Кларк, – потому что все они домогались польских земель и предпочитали присваивать ее, вместо того чтобы защищать».

Большевикам независимая Польша тоже никогда «не нравилась». Причем активно не нравилась. Сразу же после Октябрьского переворота, объявив о праве наций на самоопределение, ленинское правительство приступило к советизации всех территорий, входящих прежде в состав Российской империи. Польские патриоты, стремившиеся на обломках рухнувшей державы возродить национальное государство, прекратившее существование после насильственного раздела 1795 года, сразу же были зачислены в «контру».

Уже с января 1918 года ВЧК начало целенаправленно проводить против них политику террора. При Ставке была учреждена особая Комиссия «по борьбе с польскими контрреволюционными войсками», основной задачей которой являлось «истребление контрреволюционных зачинщиков среди

польских войск». Даже из этой коротенькой выдержки следует, что «зачинщиками» оказалось большинство поляков. Поэтому «комиссия признала возможным объявить все польские войска вне закона».

28 января военная контрразведка доносила Ф.Э. Дзержинскому: «В действующих против контрреволюционеров фронтовых войсках выделено для борьбы с поляками и румынами несколько батальонов. Платим 12 рублей в день при усиленном питании. Из **нанятых частей**, посланных против легионеров, выделены два отряда: один из лучших стрелков для **расстрела офицеров-поляков**, другой из литовцев и латышей для порчи запасов продовольствия в Витебской, Минской и Могилевской губ., в местах сосредоточения польских войск. Некоторые местные крестьяне также согласны нападать на поляков и **истреблять их**».

Речь в данном случае идет не о польской армии, которой еще не существовало, а о «мятежном» корпусе генерала И. Довбор-Мусницкого, препятствовавшем «осуществлению революционных преобразований в местах своей дислокации». Заодно большевики распустили созданные после Февральской революции белорусские воинские формирования и разогнали созванный Великой белорусской радой съезд, отказавшийся признать власть Совнаркома Западной области (в составе которого не оказалось ни одного белоруса) и решивший создать свой национальный орган – Всебелорусский Совет крестьянских, рабочих и солдатских депу-

татов. Еще бы, ведь в принятой съездом резолюции подчеркивалось, что в пределах Белорусского края устанавливается республиканско-демократическая форма правления, «что означало ликвидацию Советской власти и замену ее буржуазной парламентской республикой». Самых буйных депутатов, числом 27, пришлось арестовать.

На Украине, в Киеве, Центральная Рада объявила об образовании Украинской Народной Республики. Москва признала УНР, но одновременно (спустя восемь дней) организовала провозглашение Украинской Советской Республики со столицей в Харькове. Причем обе республики официально входили в состав общероссийской Федерации.

«Триумфальному продвижению» Советской власти на запад в 1918 году помешали кайзеровские войска. В.И. Ленину пришлось дорого заплатить за проезд в запломбированном вагоне и финансовую поддержку германского Имперского банка. Согласно заключенному 3 марта Брест-Литовскому мирному договору, от России были отторгнуты территории площадью около 800 тысяч квадратных километров с населением 56 миллионов человек, РСФСР признала независимость Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. Провозглашенную в феврале вышедшими из подполья членами исполкома Всебелорусского съезда Белорусскую Народную Республику никто признавать не собирался, белорусскую делегацию на брестские переговоры не допустили. Для белорусов, чаяния которых мало интересовали договаривающиеся

стороны, Брестский мир означал лишь очередной раздел их земли между Германией, Россией и Украиной.

Утрата Россией польских земель, декрет советского правительства об аннулировании всех царских трактатов о разделе, поражение Германской и Австро-Венгерской империй создали предпосылки для того, чтобы на карте Европы вновь появилось Польское государство. 10 ноября 1918 года в оставленном австрийцами Люблине Регентский совет назначил «начальником государства» выпущенного немцами из заключения Юзефа Пилсудского. Главной целью поляков стало восстановление исторической справедливости и возрождение независимой и сильной Речи Посполитой в границах 1792 года. Антанта оказывала им энергичную помощь в создании национальных вооруженных сил. По всей стране началось разоружение и изгнание немцев.

С востока, вслед за уходящими кайзеровскими войсками, перейдя демаркационную линию, на запад и на юг двинулись части Красной Армии, дабы обеспечить «революционно-пролетарское единство» и оказать помощь «международной пролетарской революции». Согласно секретной резолюции VIII съезда РКП(б), только победа мировой революции являлась «надежнейшей гарантией закрепления социалистической революции, победившей в России». Спешно созданное в Москве Центральное бюро большевистских организаций оккупированных областей выпустило воззвание: «Мы не можем допустить организацию контрреволюцион-

ных элементов и захват власти...» То есть любое буржуазное правительство, образовавшееся на постимперском пространстве, с точки зрения большевиков, являлось «незаконным».

К середине февраля 1919 года Западная армия установила Советскую власть почти на всей территории Белоруссии. На очереди были Венгрия, Германия и, конечно, Польша. Минск стал местом сбора польских коммунистов. Сюда из Москвы переехал Центральный Исполнительный комитет польских коммунистических групп во главе с Дзержинским и Уншлихтом, был переведен штаб Западной дивизии, состоявший из поляков, учреждена школа польских красных командиров. В саму Польшу для подготовки вооруженного восстания отправили большую группу военных во главе с политкомиссаром Стефаном Жбитковским. Сценарий польской революции намечался стандартный – провозгласить в какой-нибудь деревне советское правительство и призвать на помощь красные части.

Вот толькопольский народ в основной своей массе оказался иммунным к «бациллам большевизма», а польские национальные лидеры не пожелали вести его строем в коммунистические казармы. На фоне советизации и антибольшевистских мятежей, политических и территориальных разногласий и разгоравшейся в России Гражданской войны с весны 1919 года в Белоруссии начались острые конфликты, переросшие затем в вооруженные столкновения между Совет-

ской Россией и Польским государством. Правительство Пилсудского, поставив себе целью сделать поляков «большим народом», ибо «между чрезвычайно сильным немецким народом и народом русским нет места маленькому народу», и пользуясь очередной российской смутой, стремилось отхватить как можно больше земель на востоке. Так ведь и большевики, никем, кроме кайзера Вильгельма II, не признанные путчисты, по их собственному утверждению, в это время «завоевывали Россию» и в приказах на проведение военных операций где-нибудь в Донской области или в Тамбовской губернии частенько употребляли термин «оккупация». Как писал «вождь мирового пролетариата»: «Мы хотим как можно более крупного государства... Мы хотим революционного единства, соединения, а не разъединения».

Попытка прорыва в Европу на помощь венгерской и баварской революциям сорвалась ввиду активного противодействия польской армии, разгромившей войска Западно-Украинской Народной Республики, и начавшегося летом наступления «белогвардейцев» генерала А.И. Деникина.

Пока народные комиссары усмиряли «внутреннюю контрреволюцию», бросая все силы то на борьбу с Колчаком, то на борьбу с Деникиным, поляки, кстати, «болевшие» за большевиков и желавшие им победы в Гражданской войне, заняли почти всю территорию Белоруссии и часть Украины.

Летом 1920 года Красная Армия повернула штыки на запад, и фронт покатился обратно. В июле, когда рвавшиеся

«через труп белой Польши» в Германию войска М.Н. Тухачевского достигли Вислы и обошли Варшаву, которую главным С.С. Каменев приказал занять не позднее 12 августа, вопрос о советизации Польши казался В.И. Ленину вполне решенным и не самым существенным, ему мерещились красные знамена по всей Европе. В эти дни «вождь мирового пролетариата» телеграфировал Сталину: «Зиновьев, Каменев, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может, также Чехию и Румынию».

Однако и этот поход за мировой революцией с треском провалился. Польские пролетарии «братьев по классу» не признали. «Ревкомы приволжских и донских дивизий прокламировали советскую власть по-русски и на жаргоне... Для большинства поляков вопрос выглядел просто: сначала Польша, а потом посмотрим какая», – вспоминал участник событий. «Мы ждали от польских рабочих и крестьян восстаний и революций, а получили шовинизм и тупую ненависть к «русским», – с разочарованием писал К.Е. Ворошилов.

Западный фронт Тухачевского потерпел сокрушительное поражение.

18 марта 1921 года в Риге был подписан мирный договор между РСФСР и «буржуазно-помещичьей Польшей», согласно которому объявившие себя победителями больше-

вики признали границу значительно восточнее линии Керзона и обязались выплатить 10 миллионов золотых рублей контрибуции. Конечно, граница 1921 года была начертана штыком. И, как резонно указывают российские историки, «рижская граница» привела к искусственному разделению украинского и белорусского народов. Непонятно только, отчего они полагают, что воссоединение этих народов должно было произойти непременно в границах, отведенных для них кремлевскими мечтателями. Почему не в границах Речи Посполитой или в своих собственных? Территории Западной Белоруссии и Западной Украины входили в состав Речи Посполитой 220 лет (а в состав Великого Княжества Литовского, было такое государство, – все 400), в состав Российской и Австро-Венгерской империй – 120 лет, в состав СССР – ни одного дня. Кстати, юридически Польша вела войну не с Советской Россией, а с некой «независимой» буферной Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республикой, которая в перспективе должна была превратиться в Польско-Литовско-Белорусскую. Из внешнеполитических соображений Ленину хотелось представить дело таким образом, что имеет место не спор между Россией и Польшей за обладание белорусскими землями, которые каждая сторона считала своими, а «преступная агрессия на суверенитет и независимость белорусского народа». Когда «необходимость отпала», в соответствии с рекомендациями Москвы, исчезло и государство ЛитБел и «суверенитет бе-

лорусского народа».

Спрашивается, а что мешало большевикам остановиться на пресловутой «линии Керзона» в июле 1920 года вместо того, чтобы «поощрять» революцию в Италии? Ведь их уговаривали, но Ленин отклонил ноту Керзона и потребовал «бешеного усиления наступления», чтобы как можно скорее «помочь пролетариату и трудящимся массам Польши освободиться от их помещиков и капиталистов». Останавливаться красные полки не собирались. «Вопроса о том, где остановиться, в ЦК даже и не было», – подтвердил Л.Д. Троцкий.

Получив по шапке под Варшавой, только и осталось – кричать об исторической справедливости. Ленин, кстати, все понимал, и судьба белорусов и украинцев после поражения Красной Армии его абсолютно перестала волновать, он умел моментально менять политические лозунги, порой на прямо противоположные, в зависимости от конкретной политической обстановки. Польша получила западнобелорусские земли с населением чуть менее 4 миллионов человек, из которых около 3 миллионов составляли белорусы, и западноукраинские территории с 10-миллионным населением, из которых почти половина были украинцами.

В Риге обе стороны постановили взаимно уважать государственный суверенитет, воздерживаться от вмешательства во внутренние дела друг друга, от враждебной пропаганды и «всякого рода интервенций», а также не создавать и не поддерживать на своей территории **организаций, имею-**

щих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной.

Без преувеличения можно сказать, что все Советское государство создавалось именно как такого рода «организация», в составе которой функционировали другие «организации» – Коминтерн, ОГПУ, Разведывательное управление, Нелегальная военная организация при Штабе Красной Армии, Части особого назначения... Не успели, фигурально выражаясь, просохнуть чернила под этим договором, как Реввоенсовет Республики начал разрабатывать план вторжения на приграничные польские территории «партизанских отрядов» для осуществления там террористических акций против мирного населения. Ильич пришел от этой идеи в восторг. «Прекрасный план! – писал он Э.М. Склянскому. – Доканчивайте его вместе с Дзержинским. Под видом «зеленых» (мы потом на них и свалим) пройдем на 10–20 верст и перевешаем кулаков, попов и помещиков. Премия: 100 000 р. за повешенного...»

План активно проводился в жизнь до середины 20-х годов. Руководили «краснопартизанскими» бандами на территории страны, с которой имелся договор о мире и добрососедских отношениях, кадровые офицеры РККА, стреляли и вешали ясно кого – «белополяков». Один из таких героев «невидимого фронта» К.П. Орловский в автобиографии писал о своей «боевой работе»: «С 1920 по 1925 год по заданию Разведупра работал в тылу белополяков, на территории

Западной Белоруссии, в качестве начальника участка, вернее, был организатором и командиром краснопартизанских отрядов и диверсионных групп, где за пять лет мною было сделано несколько десятков боевых операций, а именно: 1. Было остановлено три пассажирских поезда. 2. Взорван один Жел. Дор. Мост... 6. За один только 1924 год по моей инициативе и лично мной было убито больше 100 чел. жандармов и помещиков».

Как свидетельствует доклад 2-го отдела Главного штаба польской армии, только в 1925 году в Западной Белоруссии в результате поджогов сгорело более 500 домов и хозяйственных построек, 125 сараев с необмолоченным зерном, 350 навесов с сеном и скирд хлеба, 3 конюшни, 14 скотных дворов, 21 склад, 127 предприятий – пилорам, мельниц, спиртзаводов.

Несмотря на старательно раздуваемый «народный гнев», революции в Польше так и не случилось. Оплачивать сделанную работу диверсантов и палачей было дороговато, Польское государство укреплялось, и Корпус охраны пограничья успешно партизан отлавливал, к тому же СССР добивался признания на международной арене. «Орловских» и «ваупшасовых» пришлось отозвать. Гимны этим героям поют до сих пор. Оказывается, «это не был бандитизм, как пытались представить партизанское движение польские власти. Партизаны-добровольцы, перейдя навязанную путем насилия несправедливую границу, вступали на землю своего на-

рода и боролись за нее». Более того, эти офицеры иностранной разведки, получавшие премии за каждого убитого, «... имели на нее (белорусскую землю) гораздо больше моральных прав, чем завоеватели из Польши».

В ноябре 1925 года Дзержинский подписал проект решения Специальной комиссии Политбюро: «Агентурную разведку в настоящем ее виде (организация связи, снабжение и руководство диверсионными отрядами на территории Польской республики) – ликвидировать. Ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство... Зона границы на нашей стороне должна быть целиком очищена от активных партизан, которые самостоятельно переходят границу для боевой работы. Их надо эвакуировать, никоим образом, однако, не озлобляя их, но, наоборот, оказывая им, как и перешедшим на нашу сторону или эвакуированным с той стороны партизанам, помощь. Их в общем (кроме ненадежных) не надо распылять, а сводить в военные единицы или другие группы с тем, чтобы в случае войны или другой необходимости использовать их как ценнейший материал».

Взрывы, поджоги и налеты прекратились как по мановению руки. «К концу 1925 года, – сообщает учебник истории, – партизанское движение в Западной Белоруссии было прекращено». Кроме коммунистических, на территории «Крэсов Восточных» действовали повстанческие отряды пар-

тии белорусских эсеров, Союза крестьянской самообороны, литовских националистов.

Бесспорно, что, став на путь инкорпорации присоединенных земель, основатели Польского государства породили межнациональный конфликт. «Отношения между государством и его непольскими жителями, – писал историк А. Хойновский, – с самого начала характеризовались конфликтом. Большинство украинцев, белорусов... оказались под польской властью против своей воли». Национальные меньшинства в составе новой Речи Посполитой составляли не менее 36 процентов от общего количества населения. Однако, отвергнув принцип конфедерации, поляки приступили к созданию национального государства, взяв курс на усмирение и полонизацию национальных меньшинств и в конечном счете поглощение их польским этническим элементом. «Граница политическая должна стать границей этнической», – говорил министр просвещения Станислав Грабский; система образования, наряду с колонизационной политикой, была одним из главных инструментов полонизации – начальное обучение в сельской местности велось только на польском языке и исключительно польскими учителями. Отсюда – социальное, экономическое и культурное подавление белорусского и украинского народов, переселение на их земли поляков, так называемых осадников, как правило, отставных военных, получавших лучшие наделы и одновременно исполнявших полицейские функции, что еще более обостря-

ло межнациональные отношения. Национальный гнет в восточных воеводствах вел лишь к росту национального самосознания местного населения, ожесточенному сопротивлению полонизации, доходившему до актов насилия с обеих сторон, росла популярность радикально настроенных групп, в том числе прокоммунистических. На западноукраинских землях заметной силой в 30-е годы стала Организация украинских националистов, осуществившая целый ряд террористических акций, в том числе убийство министра внутренних дел Б. Перацкого, руководившего «пацификациями» на Галичине и Волыни. Украинцы, по мнению С. Хорака, «считали себя в состоянии постоянной войны с поляками».

Согласно опросу, проведенному среди жителей Полесья, поляки, по их мнению, жили богаче, одевались лучше, отличались «высокомерностью характера и очень не любили евреев».

«Они считали польскими Вильно, Пинск, Тарнополь, Львов и прилегающие к ним районы, – вспоминал бывший французский посол в Варшаве. – Однако достаточно было посетить эти территории, чтобы убедиться, что они таковыми не являются. Здесь не чувствовалось, что находишься в Польше. Впрочем, и сами польские власти, несмотря на все их уверения, чувствовали себя здесь почти что за границей. Местных жителей они не считали настоящими поляками».

Белорусские и украинские националисты искали поддержки у правительств Германии, Англии и Франции. Про-

стой люд, особенно молодежь, с одобрением и симпатией взирал на соседние БССР и УССР. Там, за советским забором, гремели фанфары, парадировали стахановцы и физкультурники, рупора вещали о счастливой жизни свергнувших эксплуататоров трудящихся в единой «семье народов», где таквольно дышит человек. Оттуда доносилось нескончаемое хоровое пение и зазывание акынов: «Мне Ленин любимый, мне солнечный Сталин и сердце, и жизнь, и дыхание дали...» (М. Горькой перед смертью горько пошутил: «У нас поют даже камни».)

Правда, через забор не разглядеть было, как под победные марши войска Красной Армии и ОГПУ не успевали подавлять вспыхивавшие то там, то здесь восстания разных народов, которые уже вдоволь «надышались». В Армении, Грузии, Чечне, Дагестане, Туркестане, Казахстане, Калмыкии... Усмирение производилось с применением артиллерии, бронепоездов и аэропланов, сопровождалось разрушением селений, показательными расстрелами «порочного(?) и бандитского элемента», порой поголовным уничтожением мужского населения, по уровню оси буденновской тачанки. «Пацификаторы» Перацкого в подметки не годились карателям С.М. Буденного, И.П. Уборевича, И.П. Белова, П.Е. Дыбенко.

Нередки были случаи, когда жители приграничных районов Польши перебегали в СССР, но вместо грезившегося

рая обычно оказывались в узилище, как вражеские шпионы и диверсанты. «Наш дальний родственник Иван Мацкевич ночью тайно перешел границу, и о нем долгие годы ничего не было известно, – вспоминала жительница Молодеченского повета Е.П. Шнейдер. – Только после Великой Отечественной войны он объявился в деревне больным, изможденным, беззубым стариком – после десяти лет каторжных работ на Колыме». Любопытно, сколько «карацуп» с верными «мухтарами» на этих бедолагах карьеру сделали и сколько орденов заработали? (Пограничник-следопыт Никита Карацупа с детства поражал мое воображение богатырскими подвигами: официально он «задержал 388 нарушителей границы, проявив героизм, уничтожил 129 шпионов и диверсантов, не сложивших оружия».)

Одним словом, между двумя государствами с момента их возникновения существовала глубокая пропасть.

В 1932 году Советский Союз заключил с Польшей (а также с Финляндией, Эстонией и Латвией) договор о ненападении, который в мае 1934-го был пролонгирован еще на десять лет. Как показало время, в глазах кремлевского руководства он стоил дешевле бумаги, на которой писался. Ну не любил Сталин «фашистскую Польшу» и гонористых поляков. В этом его чувства абсолютно совпадали с чувствами Гитлера.

В советском военном планировании Польша рассматривалась как наиболее вероятный противник, союзник Германии

и первая преграда на пути «красных полков» в Европу. Так, в 1937 году, уже находясь в тюремной камере, маршал М.Н. Тухачевский не переставал грезить о новом походе на Вислу: «На ближайший отрезок времени «бить противника на его территории» означает бить польско-германские силы на польской территории». Главный удар Красной Армии, обеспеченный внезапным вступлением в Западную Белоруссию и Украину «армий вторжения», маршал предлагал наносить из района южнее Полесья «в центр Польши», где и должно, по его расчетам, произойти решающее столкновение.

Польское правительство отвечало большевикам взаимностью, предпочитало дружить с нацистами, самозабвенно рвалось делить с ними несчастную Чехословакию, тешилось иллюзией своей «великодержавности» (Польша – «основной фактор европейского равновесия») и делало все, чтобы не допустить Советский Союз к участию в европейской политике. При обсуждении договора о коллективной безопасности польское правительство категорически отказывалось от любой комбинации, где одной из сторон были бы Советы. Как доказывал специалист по международному праву Юлиан Маковский, «СССР не принадлежит к сообществу цивилизованных стран, поскольку не имеет общих с ними понятий общественных, религиозных, этических и правовых. В этом смысле он находится в том положении, в каком были до него Китай, Турция, Япония до их принятия в сообщество».

Польские генералы до конца 1938 года основное внима-

ние уделяли разработке военных планов против Советов. Лишь когда фюрер потребовал вернуть немцам немецкий город Данциг, разорвал пакт о ненападении и предложил «глобально урегулировать» отношения, поляки конкретно задумались о войне с Германией, до последнего рассчитывая, что Англия и Франция «не допустят», а Гитлер «не решится» — надо с ним только быть построже. «Не немцы, а поляки ворвутся в глубь Германии в первые же дни войны!» — бравировал посол в Париже Ю. Лукасевич.

В отношении Советского Союза польские политики продолжали демонстрировать совершенно замечательную твердость, временами переходящую в необъяснимую слепоту и даже глупость, про мнению Эдуарда Даладье, «величайшую глупость». На все предложения союзников заручиться военной поддержкой восточного соседа министр иностранных дел Юзеф Бек неизменно отвечал высокомерным отказом. В августе 1939 года, утомившись уговаривать поляков хоть что-нибудь сделать для обеспечения безопасности своей страны, министр иностранных дел Франции Боннэ инструктировал своего посла в Варшаве: «Мы в качестве союзников имеем все основания просить уточнить, каким образом они собираются без помощи русских организовать вооруженное сопротивление в случае возможной германской агрессии. Ввиду принятых на себя обязательств, мы имеем полное право получить исчерпывающий ответ на этот вопрос». И получил 19 августа исчерпывающий ответ полков-

ника Бека: «Это для нас вопрос принципа. Мы не имеем военного соглашения с СССР, и мы не желаем его иметь».

В Варшаве полагали, что, если Красная Армия придет на помощь, выдворить ее обратно будет невозможно. «Коммунизации» страны польское руководство боялось больше любого нашествия. «Независимо от последствий, – заявил главный инспектор вооруженных сил маршал Эдвард Рыдз по кличке Смиглы, – ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам. Это привело бы к оккупации части страны и нашей полной зависимости от Советов».

Поэтому, когда фюрер предложил Кремлю произвести четвертый раздел Польши, советский Генсек с радостью утвердил пакт с Германией. В беседе с Георгием Димитровым Сталин разъяснил свою позицию: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население». Какие могут быть сомнения? Польша была государством враждебным, «панским» и «фашистским», соответственно уничтожение его – делом прогрессивным и полезным для пролетариата.

Невероятно, но факт подписания советско-германского соглашения ни о чем не заставил задуматься польское руко-

водство, ну хотя бы: против кого собираются дружить два тоталитарных режима? В договоре с британцами возможность войны Польши на два фронта даже не рассматривалась.

Утром 31 августа 1939 года Гитлер подписал директиву № 1, согласно которой нападение на Польшу должно было начаться 1 сентября в 4.45 утра.

В тот же день В.М. Молотов сделал доклад на внеочередной сессии Верховного Совета СССР. Под бурные овации в честь мудрого Вождя, аплодисменты и смех депутатов нарком объяснил суть советско-германского пакта:

«Нам всем известно, что с тех пор, как нацисты пришли к власти, отношения между Советским Союзом и Германией были напряженными... Но, как сказал 10 марта товарищ Сталин, «мы за деловые отношения со всеми странами». Кажется, что в Германии правильно поняли заявление товарища Сталина и сделали правильные выводы. 23 августа следует рассматривать как дату великой исторической важности. Это поворотный пункт в истории Европы, и не только Европы. Совсем недавно германские нацисты проводили внешнюю политику, которая была весьма враждебной по отношению к Советскому Союзу. Но теперь ситуация изменилась, и мы перестали быть врагами...

По советско-германскому соглашению Советский Союз не обязан воевать ни на стороне британцев, ни на стороне германцев. СССР проводит свою собственную политику, которую определяют интересы народов СССР, и больше никто...

Советский Союз заключил пакт о ненападении с Германией, между прочим, в силу того обстоятельства, что переговоры с Францией и Англией натолкнулись на непреодолимые разногласия и кончились неудачей по вине англо-французских правящих кругов. Эти люди требуют, чтобы СССР обязательно втянулся в войну на стороне Англии против Германии. Уж не с ума ли сошли эти зарвавшиеся поджигатели войны?...Если эти господа имеют такое страстное желание воевать – пусть воюют сами, без Советского Союза. А мы посмотрим, что они за вояки».

Вечером случилась провокация в Гляйвице.

«Нестерпимые польские акции» вынудили миролюбивую Германию действовать.

В соответствии с планом «Вейсс» немцы сосредоточили против Польши основные силы Вермахта – 42 кадровые дивизии, в том числе 6 танковых и 4 моторизованные. Еще 15 дивизий находились во втором эшелоне.

Группа армий «Север» – 3-я и 4-я армии – под командованием генерал-полковника Теодора фон Бока наносила удар по «Польскому коридору» из Померании и Восточной Пруссии. Разгромив находившиеся там войска противника, ее основные силы должны были продвигаться к реке Нарев. Трем армиям группы «Юг» генерал-полковника Герда фон Рундштедта, наступавшим из Силезии и Словакии, предстояло разгромить польскую группировку в Галиции и большой из-

лучине Вислы и развивать наступление на Варшаву, отрезая пути отхода противнику из Познаньского выступа. Моторизованные дивизии должны были захватить ключевые переправы на Висле. Таким образом, немцы, используя выгодное географическое начертание польских границ и идеи «молниеносной войны», намечали совершить прорыв обороны с двух направлений, в темпе осуществить охватывающий маневр в глубину и окружение основных польских сил западнее Варшавы.

«Необходимо достигнуть решающего успеха за короткое время, – внушал Гитлер главнокомандующему сухопутных войск генерал-полковнику Вальтеру фон Браухичу. – В течение 8–14 дней должно стать ясно, что Польша погибнет».

Силы вторжения насчитывали около 1,5 миллиона человек, 2379 танков и 9824 орудия и миномета. Их поддерживало более 2000 самолетов 1-го и 4-го воздушных флотов.

На западной границе против возможного французского наступления были развернуты 11 кадровых дивизий группы армий «Ц», не имевших никаких планов, кроме указания соседей не раздражать. Допускались исключительно ответные меры, причем не вызывающие противника на активность.

Польский план «Z» предусматривал оборону всего периметра границы силами семи армий и трех оперативных групп до того момента, когда в дело вступят войска Англии и Франции, с последующим переходом в контрнаступление. Польский генералитет, учившийся у французских стратегов,

как и они, мысливший категориями времен Первой мировой войны, равномерно растянул войска вдоль почти 1900-километровой границы. Причем слабая пропускная способность железнодорожной сети практически не позволяла внести изменения в эту диспозицию и совершить своевременную переброску сил на угрожающее направление по внутренним операционным линиям. Немцы, и без того обладавшие значительным численным превосходством, за счет сосредоточения мощных «кулаков» на направлениях главных ударов достигли подавляющего перевеса. Местность на театре военных действий прекрасно подходила для массированного применения бронетехники. Польская армия, уступавшая противнику по всем параметрам, изначально находилась в огромном котле и обречена была на поражение. Так ведь и продержаться планировалось всего ничего – каких-то две недели. Хотя преемник Пилсудского маршал Рыдз-Смиглы, который в случае войны автоматически становился Верховным главнокомандующим, уверенно утверждал, что Польша устоит как минимум несколько месяцев. Затем, на 15-й день мобилизации, перейдет в наступление мощнейшая в мире французская армия, и Гитлер – капут. На этот случай польское командование готовило «корпус вторжения».

«Пожалуй, трудно установить, в чем состоял оперативный замысел, положенный в основу плана развертывания польской армии, – недоумевал фельдмаршал Эрих фон Манштейн, – если только это не было желанием «прикрыть все»

или, может быть, правильнее будет сказать, ничего не отдавать добровольно. Это желание в случае его осуществления приводит слабейшую сторону, как правило, к поражению... Вообще говоря, польскому темпераменту больше соответствовала идея наступления, чем обороны. Романтические представления минувших времен, по крайней мере, подсознательно, еще сохраняли свою силу в головах польских солдат... Таким образом, возможно, что в основе плана развертывания польской армии, кроме желания «ничего не отдавать», вообще не было никакой ясной оперативной идеи; существовал лишь компромисс между необходимостью обороняться от превосходящих сил противника и прежними заносчивыми планами наступления. При этом одновременно впадали в заблуждение, считая, что немцы будут вести наступление по французскому образцу и что оно скоро примет застывшие формы позиционной войны».

Единственно верным решением с оперативной точки зрения мог бы стать отвод основных частей Войска Польского на заранее подготовленный 600-километровый рубеж по берегам рек Бобр, Нарев, Висла и Сан. Однако это было признано невозможным, исходя из политических, экономических (на западе страны располагались основные промышленные объекты) и психологических соображений. А пожалуй, правильнее всего было бы реально оценить свои возможности и отдать Гитлеру «вольный город» Данциг.

Ранним утром 1 сентября германские моторизованные

и танковые соединения, сбив части прикрытия, завязали бои с главными силами польской армии. Немецкая авиация, имевшая качественное и пятикратное численное превосходство, быстро завоевала господство в воздухе. Ее массированные налеты на административные центры, железнодорожные станции, основные транспортные магистрали и узлы связи затрудняли окончание мобилизации, срывали военные перевозки, лишали польское командование средств управления войсками. Оборона вдоль границы начала трещать и разваливаться уже на третий день войны.

На Северном фронте 4-я армия генерала Ганса фон Клюге рассекла армию «Поморье» генерала Владислава Бортновского на две части, и 4 сентября передовые части 19-го танкового корпуса Гейнца Гудериана достигли Вислы, захватив переправы у города Быдгощ. На следующий день левый фланг Клюге сомкнулся с правым флангом 3-й армии генерала Георга Кюхлера, наступавшей из Восточной Пруссии, и тем самым перерезал «польский коридор»; в образовавшемся котле армия «Поморье» потеряла треть своих сил, в плен попали 16 тысяч польских солдат. На направлении главного удара войска Кюхлера после ожесточенных боев захватили Млаву и проломили 30-километровую брешь в обороне армии «Модлин» генерала Пшедзимирского. Поляки начали отход за Вислу, пытаясь оторваться от преследования.

Стремительно развивались события на юго-западе Польши. На правом крыле группы армий «Юг» наступала 14-я ар-

мия генерала Вильгельма Листа, наносившая удар из Верхней Силезии в направлении Кракова. И здесь после прорыва танковых частей в ночь со 2 на 3 сентября армия «Краков» генерала Антония Шиллинга перешла в отступление на линию рек Нида и Дунаец, то есть на 100–170 километров, оставляя немцам Силезию и Краков.

На главном направлении 10-я армия генерала Вальтера фон Рейхенау ударила в стык между армиями «Краков» и армией «Лодзь», которой командовал генерал Юлиуш Руммель, и прорвала польскую оборону в районе Ченстоховы. В образовавшуюся брешь устремились германские подвижные соединения. Еще севернее позиции армии «Лодзь» взламывали соединения 8-й армии генерала Бласковица. Вечером 2 сентября Руммель приказал начать отход на запасные оборонительные рубежи. Однако немецкие танкисты успевали занимать их раньше, а массированные удары авиации завершали дезорганизацию обороны.

В то время как армия «Лодзь» вела тяжелые бои, армия «Познань» генерала Тадеуша Кутшебы практически бездействовала, если не считать лихого кавалерийского рейда «Великопольской бригады» на территорию Германии. Вдохновленный командарм собрался уже перейти в решительное наступление, но тут ситуация кардинально изменилась, и им был получен приказ на скорейший отвод своих войск.

Начиная с 3 сентября вся польская армия совершала ре-

тираду к так называемой «главной позиции». Единственной приятной новостью в этот воскресный день стало предъявление Англией и Францией ультиматума правительству Третьего рейха, в котором от германской стороны требовалось в течение двух часов прекратить боевые действия против Польши и отвести войска к линии германо-польской границы. Немцы ультиматум проигнорировали. В Москве в это время состоялся интересный разговор между Вячеславом Молотовым и польским послом Вацлавом Гжибовским, имевшим указание официально проинформировать советское руководство о немецкой агрессии. «3 сентября я был принят Председателем Совета Народных Комиссаров господином Молотовым, – вспоминал Гжибовский. – Наша формулировка неспровоцированной агрессии, совершенной без объявления войны и во время проведения переговоров, не вызвала возражений с его стороны. Он признал, что немцы показали себя агрессорами, и спросил, рассчитываем ли мы на выступление Англии и Франции и когда мы его ожидаем. Я ответил, что не располагаю официальной информацией, однако предвижу объявление войны утром 4 сентября. Господин Молотов скептически усмехнулся и сказал: «Еще поглядим, господин посол...»

Союзники объявили войну Германии в 17.00 по берлинскому времени.

Французский главнокомандующий генерал Морис Гамелен прислал маршалу Рыдз-Смиглы телеграмму, в которой

сообщал, что 4 сентября он начнет боевые действия на суше. Это внушало польскому командованию уверенность, что наступление союзников резко изменит стратегическую обстановку.

Гитлер, де-юре получивший таки войну на два фронта, немедленно заинтересовался вопросом: когда же в Польшу вступят советские войска? Он полагал, что эта акция автоматически сделает СССР его союзником, так как Англия и Франция будут вынуждены объявить войну и Советскому Союзу. Из Берлина в Москву полетела телеграмма с пометкой «Очень срочно!», подписанная Риббентропом:

«Мы безусловно надеемся окончательно разбить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы удержим под военной оккупацией районы, которые, как было установлено в Москве, входят в германскую сферу влияния. Однако понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на польских территориях, входящих в русскую зону влияния.

...не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и со своей стороны оккупировала эту территорию. По нашим соображениям, это не только помогло бы нам, но также, в соответствии с московскими соглашениями, было бы и в советских интересах».

Сталин на эту удочку не попался. Он предпочитал по-

могать нацистам «подрывать капиталистическую систему», оставаясь «нейтральным», ни в коем случае это сотрудничество не афишируя. Согласно тайным договоренностям по радиосигналам из Минска самолеты Люфтваффе наводились на польские военно-промышленные объекты, германские суда находили убежище в мурманском порту, бесперебойно поступали в Германию из Советского Союза стратегическое сырье и материалы, в том числе закупленные в Англии и США (германская промышленность на треть зависела от заграничных поставок сырья, причем по таким материалам, как медь, олово, каучук, алюминий, зависимость от импорта составляла от 70 до 99 процентов). Однако вступать открыто в мировую войну пока было не в интересах «народов СССР», ведь у Кремля имелась еще возможность «маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались».

Ответ Молотова, датированный 5 сентября, гласил: «Советское правительство абсолютно согласно, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия». Но пока время для этого «неподходящее», а чрезмерная поспешность «может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов».

Кстати, немцы предлагали отщипнуть кусочек Украины венграм, но Будапешт выразил твердое нежелание участвовать в «военных акциях против Польши». Тогда Германия пригласила Литву вернуть себе Вильно, но и литовская сто-

рона предпочла сохранять нейтралитет.

Французские обещания нисколько не помешали генералам Рейхенау и Бласковицу 4–6 сентября, разбив армию «Лодзь», преодолеть «главную позицию» на реках Варта и Видавка, нанести поражение пытавшейся прикрыть брешь резервной армии «Пруссы», открыв тем самым дорогу к столице Польши. 14-я немецкая армия 6 сентября заняла оставленный поляками Краков. На севере войска Кюхлера форсировали Нарев.

Мобильность немецких частей приводила к тому, что практически все контрмеры польского командования запаздывали. Ход кампании показал, что перед лицом массовой атаки бронетанковых частей линейная оборона устарела. Когда немецкие танки прорывали оборонительную полосу, ее защитники, растянутые по фронту, не могли сосредоточить свои силы для контратаки. Отлично обеспеченное современными средствами связи, данными разведки и службы радиоперехвата, германское командование могло своевременно отреагировать на любое изменение обстановки, в то время как польские штабы зачастую не располагали сведениями не только о противнике, но и о собственных войсках.

Офицеры польского Генерального штаба лишь с началом войны узнали, что все средства управления, имеющиеся в их распоряжении, состоят из нескольких телефонов, одного те-

леграфного аппарата и одной радиостанции. Причем передатчик радиостанции находился на другом конце Варшавы, а приемник – в личном бункере Рыдз-Смиглы, так маршалу было удобнее. Правда, имелась еще одна радиостанция, но без передатчика – его «сломали» немцы. Поэтому надежной связи Генштаб не имел, ему никак не удавалось наладить взаимодействия даже крупных воинских объединений. Путаница с приказами, которая возникала из-за стремления угнаться за быстро развивающимися событиями, приводила к хаосу и падению боевого духа солдат, а длительные и порой бессмысленные марши утомляли войска.

Проанализировав сложившуюся ситуацию, маршал Рыдз-Смиглы принял решение прекратить оборону западных воеводств и вечером 5 сентября отдал директиву об общем отступлении польских войск для создания нового фронта по рекам Нарев, Висла и Сан. Армии «Пруссы» генерала Стефана Доб-Бернацкого предписывалось отходить в районы среднего течения Вислы, армии «Лодзь» и армии «Познань» – к Варшаве, армии «Поморье» – через Сохачев к Варшаве. Переправы через Вислу должна была защищать импровизированная армия «Люблин» генерала Тадеуша Пискора. Армии «Краков» и «Карпаты» планировалось объединить под общим командованием генерала Фабрицы в армию «Малопольска», которой предстояло оборонять линию реки Сан.

Несмотря на нанесенный полякам тяжелый урон, германское командование было вынуждено признать, что основ-

ной замысел плана «Вейсс» – окружить и уничтожить польскую армию западнее Варшавы – не выполняется. Значительные по численности соединения противника выскользнули из клещей и откатывались на восток. 6 сентября главнокомандующий сухопутных сил генерал-полковник Вальтер фон Браухич отдал директиву об увеличении глубины охватывающих фланговых ударов. Перед войсками Вермахта ставилась новая стратегическая цель – обеспечить окружение основных польских сил восточнее Вислы. Через три дня Браухич уточнил задачи. «Войска противника, отходящие за Вислу и Нарев, – говорилось в директиве ОКХ, – должны быть уничтожены двойным охватом восточнее Вислы». Группа армий «Север» получила приказ прорвать оборону на реке Нарев и развивать наступление в направлении Седльце, Брест, обходя Варшаву с востока. Группа армий «Юг», продолжая операцию по уничтожению польских сил между Саном и Вислой, должна была правофланговой 14-й армией нанести удар на Люблин и наступать в северном направлении на соединение с войсками группы армий «Север».

Между тем, выражаясь языком газеты «Правда», нарастал процесс «дезорганизации всей польской государственной машины». Первым в первый же день войны покинул столицу президент Польши 72-летний Игнатий Мосцицкий. 4 сентября началась эвакуация учреждений, на следующий

день из Варшавы в Луцк, что на Волыни, вывезли золотой запас, дипломатический корпус и правительство, которое, отдавшись во власть военных, уже ничего не контролировало. Причем в бессмысленное с политической точки зрения двухнедельное путешествие по «безопасным местам» чиновники отправились в полном составе, парализовав тем самым работу всей административной системы и деморализуя население.

Верховный главнокомандующий тоже решил «отступить» на 180 километров. Как отмечает польский автор, взявший огромную власть Рыдз-Смиглы ощущал себя скорее неким вождем нации, чем военным руководителем, непосредственно отвечающим за оборону страны. К сожалению, он не был Пилсудским и «не мог с ним равняться ни моральным авторитетом, ни политическим талантом». Добавим, что полководческими талантами выпускник философского факультета также не блеснул. Вместо того чтобы избрать своей Ставкой штаб наиболее мощной группировки польских войск или, по крайней мере, место, откуда можно было бы реально руководить вооруженными силами, маршал 7 сентября перебрался в Брест. За ним, непонятно из каких соображений, отдельно от правительства и послов последовал министр иностранных дел с важнейшими отделами. Для прикрытия нового командного пункта драгоценного главкома была снята обеспечивавшая воздушное прикрытие столицы авиационная истребительная бригада.

С этого момента Рыдз-Смиглы военными действиями фактически не руководил. Как внезапно выяснилось, Брестская крепость оказалась совершенно не приспособлена к работе Главной квартиры. Во-первых, в честь прибытия высшего начальства немецкие летчики разбомбили городскую гостиницу, а в казематах пятого форта не оказалось совершенно никаких удобств для польских стратегов, во-вторых, в Бресте не было связи. Ни с кем. Привезенную радиостанцию использовать было нельзя, поскольку шифры и коды для переговоров с войсками забыли в Варшаве. Через двенадцать часов удалось установить телефонную связь с армией «Люблин» и недолго поговорить со штабом оперативной группы «Нарев». Наконец, по железной дороге доставили шифры, но к этому времени радиостанция работала только на прием.

Соответственно, и управляло польское Верховное командование методом «ступенчатой аппроксимации». Оставшийся в Варшаве с группой операторов начальник Главного штаба генерал бригады Вацлав Стахевич получал от войск донесения, периодически теряя и восстанавливая с ними ненадежную связь, и по забитым беженцами дорогам посылал курьеров в Брест. Здесь Рыдз-Смиглы принимал решение, которое по телефону передавалось в штаб Пинской флотилии. Моряки, имевшие коротковолновую радиостанцию, связывались со штабом польского флота в Варшаве, и уже оттуда руководящие указания доводились до Стахевича. Принимаемые решения безнадежно устаревали, а зачастую вовсе не

доходили до исполнителей. Министр Бек советовал как можно скорее перебраться во Львов, имевший неплохую систему ПВО, развитую сеть коммуникаций, мощную радиостанцию и связь с границей через Румынию, но маршалу, стремившемуся быть поближе не к войскам, а к правительству, идея не понравилась. Французский представитель при польской Ставке сообщал: «Здесь царит полнейший хаос. Главное польское командование почти не имеет связи с воюющими армиями и крупными частями... Не имеет ровно никакой информации о продвижении неприятеля, и даже о положении своих собственных войск очень неполно или вовсе не информировано. Генеральный штаб распался на две части».

Все это подрывало обороноспособность польских войск. Командиры соединений вынуждены были принимать самостоятельные решения, не зная намерений соседей и высшего командования. Как отмечал Мюллер-Гиллебранд, поляки сражались «храбро и ожесточенно», однако «немецкое командование в результате применения новой тактики массированного использования танковых и моторизованных соединений часто ставило польское командование перед такими трудностями, с которыми последнее не в состоянии было справиться». Фронт распадался.

На юге 8-я германская армия развивала наступление через Лодзь на Варшаву, ее 10-й армейский корпус вышел к реке Бзура.

14-я армия широким фронтом двинулась к Сану. Ее лево-

фланговый 8-й армейский корпус форсировал Вислу у Опатовица. 22-й моторизованный корпус через Тарнов двигался на Ярослав. На правом фланге армии 18-й армейский корпус форсировал Сан у Санока и приближался к верховьям Днестра.

На главном направлении моторизованные части 10-й армии несколькими гигантскими клещами наступали на Варшаву, Пулавы, Сандомир. В районе Радома 9 сентября ее 15-му и 14-му механизированным корпусам удалось окружить пять польских дивизий. При ликвидации котла в плен было взято 65 тысяч польских солдат и захвачено 145 орудий. Армия «Пруссы» перестала существовать. 1-я танковая дивизия захватила мосты у Гура Кальвария и создала плацдарм на восточном берегу Вислы. Правифланговый 7-й армейский корпус устремился к Сандомиру. 4-я танковая дивизия генерала Рейнгардта, не встречая сопротивления и далеко оторвавшись от основных сил, достигла предместий Варшавы. Однако попытки с ходу захватить город были отбиты с большими для немцев потерями. Экипажи отдельных боевых машин, прорвавшихся на улицы столицы, варшавяне разорвали буквально голыми руками. Несмотря на эти успехи, польская оборона не смогла бы выстоять перед натиском основных сил 10-й армии, которая быстрыми темпами продвигалась к Висле. Но удар так и не был нанесен в связи с неожиданным развитием событий на реке Бзура, которые вынудили германское командование перебросить туда все танковые и

моторизованные дивизии, имевшиеся у Рейхенау. 9 сентября стремившиеся к Варшаве соединения армий «Познань» и «Поморье» из района Кутно внезапно нанесли сильный удар по обнаженному северному флангу 8-й армии Бласковица. Немцы несли большие потери. Польские дивизии форсировали Бзуру, создавая угрозу тыловым коммуникациям противника. По свидетельству Манштейна, «обстановка для немецких войск в этом районе приняла характер кризиса. Попытки 8-й армии восстановить положение контратаками не принесли успеха». Пришлось осуществлять перегруппировку сил. Два корпуса 8-й армии были повернуты фронтом на север. На север и северо-восток повернули наступавшие на Варшаву соединения левого фланга 10-й армии. Подтягивались резервы группы армий «Юг». Правофланговые соединения 4-й армии переправились на левый берег Вислы и создали фронт окружения армии «Познань» с востока.

На севере 3-я армия, усиленная переброшенным в полосу ее наступления 19-м танковым корпусом Гудериана, 9 сентября прорвала оборону на реке Нарев в районе Ломжи и своими подвижными частями устремилась на юг, глубоко охватывая польские войска с востока. 10 сентября войска армии форсировали Буг и вышли на железную дорогу Варшава – Брест. С северо-запада к Варшаве приближались части 4-й армии, вышедшие к Модлину.

«Успехи войск баснословны», – писал в дневнике начальник штаба ОКХ генерал Франц Гальдер.

В связи с угрозой глубокого обхода всей северной группировки войск польское командование решило сосредоточить максимально возможное количество сил в юго-восточных районах страны вблизи границы с Румынией и здесь организовать упорное сопротивление до начала наступления французской армии. 10 сентября Главный штаб передал директиву о создании за счет отходивших войск и резервных формирований нового фронта обороны на линии рек Сан – Висла – Нижний Вепш – Припять. «Главной моей целью, – разъяснял маршал, – является возможное стягивание всех войск в направлении на Восточную Польшу и обеспечение соединения с Румынией». Части, отступавшие с Буга и Нарева, и войска армии «Люблин» объединялись в Северный фронт под командованием генерала Доб-Бернацкого, одного из главных виновников разгрома армии «Пруссy». Им ставилась задача оторваться от противника и как можно быстрее достичь района Коцк – Брест. Южный фронт, в состав которого должны были войти армии «Малопольска» и «Краков», возглавил генерал бригады Казимир Соснковский. Генерал Руммель принял командование армией «Варшава», создававшейся для обороны столицы. Группа генерала Кутшеба – армии «Познань» и «Поморье» – должна была пробиваться через Радом на Красник. Армия «Люблин» – любой ценой удерживать позиции по Висле от Сандомира до устья Вепша.

Вслед за этим, промаявшись в «брестском балагане» четыре дня и получив известие о приближении к Бресту танков

Гудериана, Рыдз-Смиглы рванул во Владимир-Волынский, заодно «конфисковав» у гарнизона большую часть батарей 9-го дивизиона зенитной артиллерии. Бек со своими сотрудниками отправился в Кременец, где находился весь дипломатический корпус.

Очень скоро выяснилось, что решения маршала, запоздавшие суток на трое и не дошедшие до многих штабов, выполнить не представляется возможным. Впрочем, план с самого начала был обречен на провал из-за своей полной нереальности, так как, чтобы создать юго-восточную группировку, польским войскам, в отличие от своего моторизованного главнокомандующего, передвигавшимся в основном пешим ходом, нужно было «оторваться» от танковых частей Вермахта, прошагать 200–300 километров и успеть закрепиться до подхода противника. Немцы, как правило, успевали это сделать первыми. К тому же штаб Северного фронта просто не мог установить связи со своими частями, к примеру, понятия не имел, что оперативная группа «Нарев» как боевая единица уже не существует. На юге немцы форсировали Сан, генерал Фабрицы самоустранился от командования армией «Малопольска» и вместе с офицерами штаба (!) бежал во Львов, свежеиспеченный командующий фронтом генерал Соснковский штаба вообще не имел, а заодно тыловых служб и необходимых средств связи, что исключало возможность координировать действия боевых частей.

К 12 сентября германские войска на ряде участков вышли

к среднему течению Вислы, перешли линию Буг – Нарев, охватив Варшаву с востока, и выдвинулись к Сану, форсировав его верховья. Внешние клещи достигли Бреста и Львова.

Ввиду бездействия Красной Армии, немцам пришлось вторгнуться в советскую «сферу влияния». Само собой, в Москве не собирались безучастно взирать на развитие ситуации в Польше, просто нужный Сталину, пардон, «народам СССР», момент еще не наступил. Военные приготовления начались еще в августе, без всяких напоминаний из Берлина.

С 20 часов 2 сентября на советско-польской границе был введен режим усиленной охраны. Согласно указаниям начальника Пограничных войск Белорусского округа, все погранотряды были приведены в боевую походную готовность. 3 сентября маршал К.Е. Ворошилов предложил ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердить задержку увольнения красноармейцев и младших командиров на один месяц в войсках Ленинградского, Московского, Калининского, Белорусского особого и Киевского особого военных округов (всего 310 632 человека) и призыв на учебные сборы приписного состава воинских частей ПВО (всего 26 014 человек). Правительство, естественно, согласилось, и 4 сентября нарком обороны отдал соответствующий приказ.

6 сентября в семи военных округах была получена директива о проведении скрытной мобилизации под видом «Больших учебных сборов» согласно плану № 22. В этот же день

решением Совнаркома был введен в действие мобилизационный план по продфуражному обеспечению РККА по ЛВО, МВО, КалВО, БОВО, ХВО и Орловскому военному округу и план доснабжения РККА вещевым имуществом. Предполагалось разбронировать запасы продовольствия. Первым днем сборов назначалось 7 сентября 1939 года. Извещение о подъеме войск по литеру «Б» за подписью Молотова было доведено телеграммой до Председателей СНК союзных и автономных республик и облисполкомов. В телеграмме сообщалось, что приказами названных округов на учебные сборы привлекаются приписной состав, автотранспорт, лошади и обоз. Вызов производился строго по повесткам без опубликования приказа. Местным органам предписывалось оказывать всемерное содействие военным учреждениям.

В БУС приняли участие управления 22 стрелковых, 5 кавалерийских, 3 танковых корпуса, 98 стрелковых и 14 кавалерийских дивизий, 28 танковых, 3 мотострелковые и 1 воздушно-десантная бригада. Всего было призвано 2,6 миллиона человек, 634 тысячи лошадей, 117 300 автомашин и 18 900 тракторов.

8 сентября германские СМИ объявили о падении Варшавы. Всех ввел в заблуждение генерал Рейнгардт, который, едва его «панцеры» ворвались в предместье, поспешил доложить о взятии польской столицы. Немецкие танки варшавяне из города вышибли, однако «утка» разлетелась по всему свету. В тот же день германское посольство в Москве получи-

ло подписанную Молотовым телефонограмму: «Я получил ваше сообщение о вступлении германских войск в Варшаву. Прошу передать мои поздравления и приветствия правительству Германской Империи».

Ночью 9 сентября Риббентроп поручил Шуленбургу неотложно возобновить беседы с Молотовым «относительно советской военной интервенции» в Польшу. Днем Молотов дал конкретный ответ на германский зондаж: «...советские военные действия начнутся в течение ближайших дней... будут также призваны многочисленные резервисты». По всему выходило, что Красной Армии действительно пора выступать.

Нарком обороны и начальник Генерального штаба командарм 1 ранга Б.М. Шапошников 9 сентября подписали приказы № 16633 Военному совету БОВО и № 16634 Военному совету КОВО, согласно которым следовало «к исходу 11 сентября 1939 г. скрытно сосредоточить и быть готовым к решительному наступлению с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника».

Войска Белорусского особого округа получили следующие задачи. Витебская армейская группа должна была, «отбрасывая противостоящие войска противника от латвийской границы, действовать в общем направлении на Свенцяны», которой следовало овладеть к исходу 13 сентября, и «в дальнейшем иметь в виду овладение Вильно». Минской армейской группе следовало «мощным ударом прорвать фронт противника и наступать в направлении на Ошмяны, Лида

и к исходу 13 сентября выйти на фронт Молодечно, Воложин, к исходу 14 сентября овладеть районом Ошмяны, Ивье». В дальнейшем иметь в виду оказать содействие в овладении Вильно, а остальными силами наступать на Гродно. Конно-механизированная группа получила задачу «мощным ударом по войскам противника разгромить их и решительно наступать в направлении на Новогрудок, Волковыск и к исходу 13 сентября выйти на фронт Делятичи, Турец; к исходу 14 сентября выйти на р. Молчадь на участке от ее устья до м. Молчадь. В дальнейшем иметь в виду наступление на Волковыск с заслоном против г. Барановичи». Бобруйской армейской группе следовало «действовать в направлении на г. Барановичи и к исходу 13 сентября выйти на фронт Снов, Жиличи».

Войска Киевского округа должны были действовать не менее решительно и молниеносно. Житомирской армейской группе следовало «наступать в направлении на Ровно, Луцк и к исходу 14 сентября овладеть районом Ровно, Дубно; к исходу 14 сентября овладеть районом Луцк, имея в виду дальнейшее наступление на Владимир-Волынский». Винницкой АГ предстояло «нанести мощный и решительный удар по польским войскам и быстро наступать на м. Трембовля, г. Тарнополь, г. Львов и к исходу 13 сентября выйти в район Езерна; к исходу 14 сентября овладеть районом Буск, Перемышляны, Бобрка, имея дальнейшей задачей овладение г. Львов». Кавалерийской армейской группе предписывалось «нанести

мощный и молниеносный удар по польским войскам, надёжно прикрывая свой левый фланг и отрезая польские войска от румынской границы, решительно и быстро наступать в направлении на Чортков, Станиславов и к исходу 13 сентября выйти на р. Стрыпа; к исходу 14 сентября овладеть районом Станиславов, имея дальнейшей задачей действия в направлении Стрый, Дрогобыч».

Советским войскам не следовало «ввязываться во фронтальные бои на укрепленных позициях противника, а, оставляя заслоны с фронта, обходить фланги и заходить в тыл, продолжая выполнять поставленную задачу». Глубина действий войск фронта устанавливалась по линии латвийской, литовской и германской границ, далее по рекам Писса, Нарев, Висла и Сан и по венгерской и румынской границам.

Таким образом, днем «Х» было установлено **13 сентября**.

Однако приказы так и не были переданы в округа, поскольку вдруг обнаружилось, что гарнизон Варшавы успешно отражает все немецкие атаки, а на франко-германской границе началось продвижение французских войск к линии Зигфрида.

Поэтому 10 сентября Молотов пригласил к себе Шуленбурга и, вопреки своему вчерашнему заявлению, сказал, что Красная Армия застигнута врасплох столь быстрыми успехами Вермахта и пока не готова к действиям. Для развертывания ей необходимо еще две-три недели. К тому же из со-

общения германского агентства ДНД складывается впечатление о возможном германо-польском перемирии, а в такой ситуации Советский Союз не может начать «новую войну». Коснувшись политической стороны вопроса, Молотов заявил, что «советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия. Этот предлог представит **интервенцию Советского Союза** благоприятной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором».

(Вячеслав Михайлович знал, о чем говорил. 9 февраля 1929 года в Москве представителями правительств СССР, Польши, Эстонии, Латвии и Румынии был подписан протокол о признании и присоединении к Парижской декларации об отказе от применения силы в международных отношениях. Еще через четыре года по инициативе Москвы, неустанно боровшейся за дело мира, были проведены многосторонние переговоры, целью которых было «определить возможно более точным образом понятие агрессии, **дабы предупредить всякий повод к ее оправданию**». Итогом стала подписанная в Лондоне 3 июля 1933 года конвенция между Советским Союзом, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Персией и Афганистаном, «воодушевленных желанием, в интересах всеобщего мира, обеспечить всем на-

родам неприкосновенность территории своей страны».

Статьей второй этого документа любое государство признавалось нападающим, если оно «первое совершит одно из следующих действий»:

«1. Объявление войны другому Государству.

2. Вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого Государства.

3. Нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы без объявления войны, на территорию, на суда или на воздушные суда другого Государства.

4. Морскую блокаду берегов или портов другого Государства.

5. Поддержку, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого Государства, или отказ, несмотря на требование Государства, подвергшегося вторжению, принять на своей собственной территории все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства».

Между прочим, у правительств Великобритании и Франции идеалистическая конвенция одобрения не получила. Ясное дело – «империалистические хищники», поджигатели войны.

Теперь Сталин и Молотов, планируя совершить «одно из следующих действий», ломали голову над ребусом, как агрессию совершить, но агрессорами не выглядеть. И приду-

мали: «благовидность» вмешательству в германо-польскую войну должны были придать идеи обеспечения государственных интересов СССР и защиты украинского и белорусского народов в условиях распада Польши. Это был чисто пропагандистский трюк, поскольку до этого «страдания» белорусских и украинских «братьев» большевиков никогда не интересовали, а с точки зрения международного права и третьей статьи все той же лоббированной Кремлем конвенции:

«Никакое соображение политического, военного, экономического или иного порядка не может служить извинением или оправданием агрессии, предусмотренной в статье II.».)

Шуленбург пообещал сделать запрос относительно возможности перемирия и сказал, что действия Красной Армии в данной ситуации очень важны. Естественно, вопрос о перемирии с поляками не ставился, о чем Риббентроп и сообщил в Москву.

11 сентября на базе БОВО и КОВО были сформированы и развернуты полевые управления округов, позднее переименованные в управления Белорусского и Украинского фронтов. Командовали фронтами сделавший стремительную карьеру на волне репрессий командарм 2 ранга М.П. Ковалев (путь бывшего штабс-капитана от должности коменданта Забайкальского укрепленного района до командующего округом занял пятнадцать месяцев) и продублированный первокольник командарм 1 ранга С.К. Тимошенко. С 18 часов 12 сентября на железных дорогах европейской части страны был

введен в действие воинский график. Сокращались гражданские перевозки, железные дороги получили 500 тысяч тонн мобилизационного запаса угля, на ряд железных дорог были назначены уполномоченные СНК по выгрузке грузов.

Германское командование пока еще не имело точных данных о том, последует ли советское вмешательство, и продолжало действовать по собственным планам. 12 сентября в ОКВ рассматривались варианты окончательного решения польской проблемы. Вариант III предусматривал, среди прочего, передачу Литве района Вильно и создание независимого государства на территории Галиции и Польской Украины. Начальник абвера адмирал Канарис получил указание подготовить мятежи националистов в украинских районах, «провоцируя восставших на уничтожение евреев и поляков».

Военные приготовления СССР скрыть было невозможно. Тем не менее у польского руководства они никакой тревоги не вызывали. Ни у кого не возникло мысли продумать и подготовить возможные политические и военные шаги на случай вторжения с востока Красной Армии. Сведения, поступавшие 1–5 сентября, воспринимались как закономерная и понятная реакция на начало войны в Европе. Не насторожили ни сообщение ТАСС от 7 сентября о начале частичной мобилизации РККА «в интересах дальнейшего укрепления обороны страны», ни разворачивавшаяся в со-

ветской прессе антипольская кампания, ни нарушения границы красноречивыми самолетами-разведчиками, ни донесения из Москвы.

Так, польский военный атташе генерал Стефан Бжештинский вспоминает о происшествии, случившемся во время посещения иностранными дипломатами массового митинга в парке Горького, посвященного событиям в Польше: «Речь была неприязненной по отношению к полякам, и собрание принимало ее довольно холодно. До тех пор, пока под конец оратор повышенным голосом не прокричал: «Что ж мы, советский народ и правительство, должны, сложив руки, смотреть, как по вине панской Польши страдают наши братья белорусы и украинцы?» Настроение толпы резко изменилось. Правда, оратор не дал ответа на поставленный вопрос, однако собрание поняло его по-своему, то есть что советские войска пойдут на помощь Польше! Все кричали: «В поход, в поход против проклятых немцев!» Когда мы шли к машинам, британский атташе поинтересовался моим мнением о последнем вопросе оратора. Я ответил не задумываясь: «Царица Екатерина послала когда-то свои войска против поляков под предлогом защиты инсургентов, а теперь Сталин направит свои под предлогом защиты братьев». Возвратившись в посольство, я проинформировал Гжибовского о разговоре в парке Горького, обратив особое внимание на риторический вопрос оратора, на который он не дал ответа, но из которого мы должны себе уяснить: Советы ударят на

Польшу в удобную для них минуту». Посол не отмахнулся от этой новости, а известил радиogramмой Бека и Рыдз-Смиглы. А вот о чем думали странствующий маршал и министр иностранных дел – тайна сия велика есть.

Новую угрозу Польше различали в Лондоне. Один из высших функционеров Форин Офис Лоуренс Цоллер в донесении о мобилизации Красной Армии написал: «Не могу удержаться от того, чтобы не связать этот факт с присутствием советских генералов в Берлине, хотя не рискну сказать точно, в чем конкретно заключается эта связь». Посол Великобритании 10 сентября сообщал из Москвы, что последние советские решения наводят на предположение о том, что СССР намеревается силой занять часть польских земель. Британская пресса писала о развертывании 80 советских дивизий и призыве в Красную Армию 4 миллионов человек, а «Дейли телеграф» прямо указывала, что эти мероприятия проводятся с целью занятия восточных польских земель, «которые Гитлер предложил Москве».

«На украинских землях, где мы сейчас пребываем, – сообщал 11 сентября в Париж французский посол Леон Ноэль, – различными агентами распространяются слухи о тайной договоренности между Германией и СССР, на основе которой немецкие отряды не пересекут Буга, оставив эту часть Польши советским войскам. Будучи спрошенным по поводу этих слухов одним из наших коллег, советский посол, ничего категорично не отрицая, сказал, что в этих краях хо-

дит множество баек. И добавил: «Жители этого региона – наши родственники». Население, среди которого поляки составляют решительное меньшинство, настроено по отношению к Польше враждебно и не намерено ей оказывать никакой помощи. Евреи и многие украинцы либо ждут советские войска, либо живут надеждой, что Украину освободит германская армия». Предупреждения Парижа о возможном выступлении СССР польское правительство также не приняло всерьез.

Еще одним неслышанным «звонком» стал отъезд из Кременца советских дипломатов. Николай Шаронов навестил министра Бека и осведомил его, что, ввиду неудовлетворительной телефонной связи, необходимо лично съездить в Москву, дабы непосредственно там обговорить возможности поставок медикаментов и других материалов для нужд польской армии. С тем посол СССР откланялся, пообещал вернуться не позднее чем через неделю и с рассветом 12 сентября убыл вместе с военным атташе и несколькими сотрудниками. В действительности ни о какой помощи Польше не могло быть и речи. Сразу после беседы с «отцом народов» Георгий Димитров разослал зарубежным компартиям директиву Исполкома Коминтерна: «Международный пролетариат не может защищать фашистскую Польшу, отвергающую помощь Советского Союза, угнетающую другие национальности». Резко отрицательную позицию занял Секретариат ИККИ «к добровольному вступлению коммунистов

и революционных элементов в национальные легионы» по примеру Испании. Так что у Шаронова была совсем другая причина для того, чтобы покинуть территорию Польши, возможно, он знал про день «Х» – 13 сентября.

Бек тем временем собрал в Кременце конференцию, на которой присутствовали 7 послов и 17 полномочных представителей иностранных держав. В своем выступлении министр выразил разочарование польского правительства по поводу отсутствия эффективной помощи со стороны союзников, однако выразил уверенность, что война не может продлиться долго. Внутреннее положение Германии исключает длительную борьбу, людских ресурсов и стратегических материалов у Рейха значительно меньше, чем в 1914 году, а интенсивные бомбардировки вразумят немецкое общественное мнение. Речь Бека явственно продемонстрировала «трезвость» польских политиков, не желавших считаться с реальностью. Отдельный разговор состоялся у министра с французским послом, еще 9 сентября предложившим правительству Польши обосноваться во Франции, «согласно с прецедентом бельгийского правительства в 1914 году».

Вечером 12 сентября в местечке Олыц состоялось совместное заседание правительства и высшего военного руководства Речи Посполитой, на котором догнавший таки президента и разместивший свою штаб-квартиру в Млынове Рыдз-Смиглы путано, теряясь в ненужных подробностях и не внося никаких предложений, обрисовал общую ситуацию

на фронте. «Вынужден он был ограничиться общей декларацией, что нам не удастся провести в жизнь кардинальные решения по удержанию позиций в стране, – писал разочарованный поведением маршала Бек. – Озвучил французское предложение и пообещал вернуться к нему позже. Ни профессор Мосцицкий, ни Верховный главнокомандующий не проявили желаний обсудить глубже эти проблемы». Желания обсудить «глубже» не высказал никто другой. Судя по всему, внутренне решение спасти свои бесценные для народа жизни уже было принято. Что характерно для большинства политиков, уверяющих и оправдывающих себя тем, что ничего дороже у населения быть не может и какое им дело до «ответственности перед Историей». Ответственный политик в любые времена – такая редкость (вот Гитлер хоть и нехороший был человек, однако в 1945 году вел себя не в пример достойнее шляхтичей, хотя имел возможность смыться даже и в Антарктиду). Наверное, по той же причине не прозвучало в благородном собрании ни одного слова по поводу возможного вторжения СССР и какие меры необходимо предусмотреть на этот случай.

А союзники действительно подкачали. Кстати, Гитлер был в них вполне уверен, когда сказал: «Если они объявили нам войну, то это для того, чтобы сохранить свое лицо, к тому же это еще не значит, что они будут воевать... За союзника не умирают!» Как и предсказывал фюрер, на Западном

фронте ничего не менялось: немцы дисциплинированно не лезли на рожон, французским солдатам просто на всякий случай не выдавали боевых патронов, да они и сами не изъявляли желания «умирать за Данциг». Супротивники ходили друг к другу в гости, обменивались выпивкой и угощались сигаретами. Генерал Гамелен, уверявший Рыдз-Смиглы в своем благорасположении, уже 5 сентября утвердился в мнении, что у Польши шансов нет и данный печальный факт «является очередным поводом для сохранения наших сил». 7 сентября польский военный атташе во Франции констатировал: «На Западе никакой войны фактически нет. Ни французы, ни немцы друг в друга не стреляют. Точно так же нет до сих пор никаких действий авиации. Моя оценка: французы не проводят ни дальнейшей мобилизации, ни дальнейших действий и ожидают результатов битв в Польше». И надо сказать, «результаты» не радовали. Аналогично вели себя англичане, чьи ВВС отбомбились по территории Германии 18 миллионами пацифистских листовок, вызывавших «к нравственности немцев».

9 сентября девять французских дивизий на фронте 32 километра к востоку от Саарбрюккена без единого выстрела проникли в предполье линии Зигфрида и продвинулись на вражескую территорию на глубину 3–8 километров. Германские части, которым было приказано уклоняться от боя, отступили на основные позиции. Совершив этот героический прорыв и, как трубили газеты, поставив перед Гитлером

«труднейшую стратегическую дилемму», французы 12 сентября прекратили наступление, «ввиду быстрого развития событий в Польше», а еще через неделю начали организованный отход на исходные позиции. Все это время генерал Гамелен кормил польское руководство байками о небывалых по масштабам сражениях, которые ведет французская армия: «Больше половины наших активных дивизий Северо-Восточного фронта ведут бои. После перехода нами границы немцы оказали сильное сопротивление. Тем не менее мы продвинулись вперед. Но мы завязли в позиционной войне, имея против себя подготовившегося к обороне противника... С самого начала брошены военно-воздушные силы для участия в позиционных операциях. Мы полагаем, что имеем против себя значительную часть немецкой авиации. Поэтому я раньше срока выполнил свое обещание начать наступление мощными силами на пятнадцатый день после объявления французской мобилизации».

Решение списать со счетов явно проигрывавшую войну Польшу было принято на первом же заседании Верховного совета союзников в Абвилле, хотя генерал Гамелен продолжал твердить польским представителям о непреклонной решимости Франции и Англии оказать всю возможную помощь. Как отметил французский историк Ж. Мордаль: «Решение, принятое в Абвилле 12 сентября 1939 г. Верховным советом союзников, было не только отказом от данного слова, это была настоящая капитуляция без боя». «Не подле-

жит сомнению, — утверждал Манштейн, — что события могли развиваться совсем иначе, если бы западные державы начали наступление на Западе как можно раньше. Правда, польское командование должно было учесть этот факт и, проявив немного больше здравого смысла, не растрачивать с самого начала свои силы, стремясь удержать то, что нельзя было удержать. Оно должно было, наоборот, с самого начала кампании сосредоточивать свои силы на решающих участках, систематически преследовать цель выиграть время, свергнуть немцев в настоящую войну на два фронта».

Все немецкие генералы единодушны в мнении, что, если бы союзники в сентябре 1939 года, не раскачиваясь и не выгадывая, перешли к активным боевым действиям и предприняли крупное наступление, поражение Германии, причем достаточно быстрое, стало бы неизбежным.

Однако французы, развернувшие армию численностью в 5 миллионов человек, были настроены на долгую, вдумчивую войну на истощение противника. А в общем, Рыдз-Смиглы и Гамелен стояли друг друга. Последнего в мае 1940 года арестуют, а затем отдадут под суд за развал французской армии.

В ночь на 14 сентября в Млынов пришла весть, что передовые немецкие подразделения переправились через Буг под Грубешовым, а ранним утром Бек получил от премьер-министра Фелициана Славой-Складовского известие, что пре-

зидент, правительство и Верховное командование в спешном порядке переезжают в район Коломыя, Косов, Куты, поближе к румынской границе. Еще интереснее, что к Беку явился представитель Главного штаба и сообщил, что «полководцы» уже сорвались с места и ожидают того же от Министерства иностранных дел. «Наверное, в военной истории это был первый случай отступления Верховного командования в отдаленный от фронта район, прежде чем это успели сделать гражданские власти», – иронизирует польский историк. Этот факт подтверждает дневник премьер-министра, который записал, что в 4 часа утра к нему в луцкую гостиницу «Полония» прибыл генерал Малиновский, доставивший устный «приказ об эвакуации». Характерно, что Складовскому даже в голову не пришло поинтересоваться, а кто, собственно, и на каком основании отдает приказы премьер-министру страны. Маршал Рыдз воспринимал Складовского, имевшего всего лишь генеральское звание, как фигуру нижестоящую. Никаких вопросов не задавал и формально ответственный за судьбу государства президент Мосцицкий («Был старым человеком, но тем более должен был подумать о том, с какой репутацией сойдет он с политической сцены и какую память оставит о себе в истории Польши»), как и все члены правительства, превратившиеся в стадо баранов на поводу у отдававшего распоряжения Рыдз-Смиглы.

14 сентября Главная квартира разместилась в Коломые, президент – в местечке Залучье под Святыном, Министер-

ство иностранных дел – в Кутах, остальные правительственные учреждения – в Косове. Опять же – не во Львове, до которого можно было добраться без особого труда и риска, за исключением одного – пришлось бы пожертвовать шансом эвакуации в Румынию. Оставив Луцк, польское правительство окончательно потеряло связь со своими представителями за границей, а Верховное командование – какое-либо влияние на ход кампании.

Прекращение французского наступления в Сааре и завершение скрытной мобилизации в СССР привело к тому, что вечером 14 сентября Молотов заявил Шуленбургу, что «Красная Армия достигла состояния готовности скорее, чем это ожидалось. *(Совсем по Жванецкому: «Раньше мы хронически отставали, теперь – хронически опережаем».)* Советские действия поэтому могут начаться раньше указанного им во время последней беседы срока. Учитывая политическую мотивацию советской акции, было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши – Варшава». Поэтому Молотов настоятельно просил сообщить, когда можно ожидать ее падения.

14 сентября газета «Правда» опубликовала подготовленную членом Политбюро А.А. Ждановым статью, в которой утверждалось, что Польша потерпела полный военный разгром, польское государство «рассыпается», а польская армия не оказала «сколько-нибудь серьезного сопротивления гер-

манскому наступлению».

Между тем не прекращались упорные бои в районе военно-морской базы Гдыня и на полуострове Хель. На весь мир гремела битва на Бзуре, которую даже нацистская «Фёлькишер Беобахтер» назвала «наиболее ожесточенной в истории». Держались Брестская крепость, Львов, Модлин и героическая Варшава. Оборона осажденной столицы приняла всенародный характер, стала делом национальной чести; выдающуюся роль, как доказывали послевоенные сочинители истории из Института марксизма-ленинизма, сыграли коммунисты, сражавшиеся на самых трудных участках: «Они показывали пример беззаветного служения народу, мужества и самоотверженности в борьбе. В тех районах, где обороной руководили (?) коммунисты и левые социалисты, защитники держались наиболее стойко». Прибывший лично под стены города Гитлер потребовал подвергнуть Варшаву беспощадной бомбардировке и артиллерийскому обстрелу и велел взять ее не позднее 30 сентября, чем, кстати, изумил генерала Манштейна: «То, что политическое руководство требует от генералов достижения победы, это понятно. Но то, что оно устанавливает и срок, когда победа должна быть одержана, это, безусловно, нечто необычное». Нам остается только удивляться удивлению немецкого полководца.

Обрисовав катастрофическое положение на всех фронтах, Андрей Александрович отыскал «корень слабости» Поль-

ского государства и назвал главную причину его военного поражения – угнетение поляками украинского и белорусского национальных меньшинств, которые «являются объектами самой грубой, беззастенчивой эксплуатации со стороны польских помещиков», а потому не могут «быть оплотом государственного режима».

Йозеф Геббельс, имперский министр пропаганды, прочел сочинение коллеги с искренним удовольствием, приказал сделать переводы на разные языки и распространить по всему миру.

Статья стала программным документом советской пропаганды по обоснованию действий СССР в отношении Польши, ее идеи были положены в основу политработы в Красной Армии, как и идея социальных движений в Польше.

В тот же день советские войска получили долгожданный приказ о наступлении с соответствующими изменениями по срокам выполнения задач, а Военным советам ЛВО, КалВО, КОВО, БОВО и начальникам Ленинградского, Белорусского и Киевского пограничных округов НКВД была отправлена совместная директива наркомов обороны и внутренних дел о порядке взаимодействия пограничных войск и Красной Армии. Согласно ей «с момента вступления полевых войск из районов сосредоточения с целью перехода государственной границы для действий на территории противника» и до перехода войсками «государственной границы на глубину, равную расположению войскового тыла (30–0 км)»,

пограничные войска, «оставаясь на своих местах, переходят в оперативное подчинение Военным советам соответствующих фронтов и армий» до их особого распоряжения.

Ранним утром 15 сентября Военный совет Белорусского фронта издал боевой приказ № 01, из которого следовало, что «белорусский, украинский и польский народы истекают кровью в войне, затеянной правящей помещичье-капиталистической кликой Польши с Германией. Рабочие и крестьяне Белоруссии, Украины и Польши восстали на борьбу со своими вековыми врагами помещиками и капиталистами. Главным силам польской армии германскими войсками нанесено тяжелое поражение. Армии Белорусского фронта с рассветом 17 сентября 1939 г. переходят в наступление с задачей – содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией. Ближайшая задача фронта – **уничтожить и пленить** вооруженные силы Польши, действующие восточнее литовской границы и линии Гродно – Кобрин». Конкретные задачи войскам совпадали с приказом наркома обороны от 14 сентября.

Витебская, Бобруйская и Минская армейские группы Белорусского округа 15 сентября были развернуты соответственно в 3-ю армию под командованием комкора В.И. Кузнецова, 4-ю армию комдива В.И. Чуйкова и 11-ю армию комдива Н.В. Медведева. Кроме того, из управления Москов-

ского округа согласно приказу Генштаба от 9 сентября выделялось управление 10-й армии во главе с комкором И.Г. Захаркиным, передававшееся в состав Белорусского фронта. Из войск Калининского округа формировалась конно-механизированная группа под командованием комкора В.И. Болдина.

Житомирская, Винницкая и Кавалерийская армейские группы Киевского округа с 16 сентября были переименованы соответственно в Шепетовскую под командованием комкора И.Г. Советникова, Волочискую во главе с комкором Ф.И. Голиковым и Каменец-Подольскую командарма 2 ранга И.В. Тюленева. Позднее после ряда переименований они были преобразованы в 5, 6 и 12-ю армии.

Вечером командующий Белорусским округом пограничных войск НКВД отдал приказ № 1, определявший основные задачи погранвойск: а) с началом боевых действий – уничтожение польской пограничной охраны на тех участках, где не будут наступать части РККА; б) с продвижением войск армии – не допускать перехода гражданского населения с нашей территории и кого бы то ни было с польской территории через существующую границу СССР. Части, подразделения и отдельных военнослужащих РККА пропускать через существующую границу СССР беспрепятственно. До 5.00 17 сентября 1939 года пограничники должны были нести службу по охране госграницы в обычном режиме.

Одновременно были поставлены задачи сформирован-

ным в ведомстве Л.П. Берии девяти оперативно-чекистским группам численностью от 40 до 70 человек. Каждой группе придавался батальон бойцов из состава пограничных войск. На эти группы возлагалась организация временных управлений в занятых городах и создание аппаратов НКВД на местах с целью «подавления контрреволюционной деятельности». На «освобожденных» от угнетателей территориях следовало немедленно взять под контроль пункты связи, хранилища денег и ценностей, архивы и типографии. Само собой, провести аресты правительственных чиновников, руководителей всех партий и прочих реакционных элементов; обеспечить революционный порядок, не допустить диверсий, саботажа, грабежей.

К исходу 15 сентября войска двух фронтов в основном завершили мобилизацию и сосредоточились в исходных районах у границы с Польшей.

На ночь глядя Риббентроп отправил телеграмму в Москву, в которой сообщил, что падение Варшавы – вопрос нескольких дней, еще раз подтвердил нерушимость разграничительных линий в Польше, согласованных в Москве, приветствовал планируемое вступление Красной Армии в Польшу, что освобождало Вермахт от необходимости преследовать поляков до самой советской границы, просил сообщить день и час начала «русской интервенции», для координации действий войск предлагал провести встречу советских и германских офицеров в Белостоке. На всякий случай

имперский министр предупреждал, что поскольку немцы не собираются оккупировать восточные польские земли, то в случае отказа СССР от «интервенции» здесь могут создаться условия для возникновения новых государств. В самом деле, в ОКВ рассматривались варианты создания независимых государств в Галиции и Польской Украине.

В связи с предстоящими событиями Риббентроп, буквально влюбленный в Сталина, но не понявший его гениального хода, предложил опубликовать совместное коммюнике, в котором основной причиной вступления войск Германии и СССР в Польшу назывался «полный распад существовавшей ранее формы правления» и горячее желание установить «спокойствие и новый порядок» на территориях, представляющих «взаимный интерес» для обоих миротворцев – то бишь Гитлера и Сталина. Стремление Москвы объяснить свое вмешательство германской угрозой белорусскому и украинскому населению у Берлина, мягко говоря, энтузиазма не вызывало. Во-первых, обидно и неправда. Какая угроза, если мы по-хорошему договорились, что белорусы и украинцы – ваши новые подданные. А во-вторых, такая мотивировка может создать ложное впечатление и «представит всему миру оба государства как врагов».

В этот день пал Белосток, а командование группы армий «Север», не рассчитывая на русских, отдало приказ передовым частям 19-го танкового корпуса выйти в район Барановичи – Слоним.

Маршал Рыдз-Смиглы сидел в Коломые, отдав очередной иллюзорный приказ о создании укрепленного района на подступах к польско-румынской границе и перечитывая телеграммы Гамелена в предвкушении, что немцы со дня на день сами выдохнутся, а союзники добьют их сокрушительными ударами. По свидетельству Бека, главнокомандующий был весьма оптимистично настроен, объясняя это тем, что темпы германского наступления явно замедляются, польская оборона крепнет, лишь бы не подвел командующий Южным фронтом генерал Соснковский. Бек плюнул и отправился искать румынского посла.

Конечно, допускать формирование у себя под боком каких-то «новых государств» Сталин не собирался. И черт с ней, с Варшавой, – ждать больше было нельзя.

16 сентября советские штабы ставили задачи войскам.

Военный совет Белорусского фронта отдал приказ № 005, в котором отмечалось, что «польские помещики и капиталисты поработили трудовой народ Западной Белоруссии и Западной Украины...насаждают национальный гнет и эксплуатацию...бросили наших белорусских и украинских братьев в мясорубку второй империалистической войны. Национальный гнет и порабощение трудящихся привели Польшу к военному разгрому. Перед угнетенными народами Польши встала угроза полного разорения и избиения со стороны врагов. В Западной Украине и Белоруссии разворачивается

революционное движение. Начались выступления и восстания белорусского и украинского крестьянства в Польше. Рабочий класс и крестьянство Польши объединяют свои силы, чтобы свернуть шею своим кровавым угнетателям... Приказываю: 1. Частям Белорусского фронта решительно выступить на помощь трудящимся Западной Белоруссии и Западной Украины, перейдя по всему фронту в решительное наступление. 2. Молниеносным, сокрушительным ударом разгромить панско-буржуазные польские войска и освободить рабочих, крестьян и трудящихся Западной Белоруссии».

На совещании высшего начсостава командарм 2 ранга Ковалев объявил, что настала пора «исправить историческую несправедливость».

В том же ключе директивой №А0084 поставил подчиненным войскам боевые задачи Военный совет Украинского фронта: «Мы идем в Западную Украину не как завоеватели, а как освободители наших украинских и белорусских братьев. Мы освободим украинцев и белорусов от всякого гнета и эксплуатации, от власти помещиков и капиталистов».

В приказах подчеркивалась необходимость разъяснить личному составу, что «мы вступаем на захваченную польскими панамы землю как освободители, что воин Красной Армии должен показать образец братского отношения к трудящимся, которые много лет находились под чужеземным гнетом, с тем чтобы во время похода в частях сохранялась высокая дисциплина и организованность и каждый боец

ясно представлял себе свою миссию воина-освободителя». Войскам запрещалось производить артиллерийский обстрел и авиационные бомбардировки городов и других населенных пунктов. Требовалось также демонстрировать «лояльное отношение» к польским военнослужащим, конечно, при условии, что они не окажут сопротивления.

Начальник Политуправления 3-й армии Белорусского фронта комиссар Шулин в директиве № 8499сс от 16 сентября отмечал, что белорусский и украинский народы, подвергшиеся в Польше национальному и социальному гнету, «восстали на борьбу со своими вековыми врагами помещиками и капиталистами. Народы Советского Союза не могут быть безразличными к революционно-освободительной борьбе трудящихся Польши... Бойцам, командирам и политработникам 3-й армии посчастливилось первым оказать военную помощь народам Польши в их освободительной борьбе против помещиков и капиталистов. Части РККА вступают на земли Западной Белоруссии и Западной Украины не как завоеватели, а как революционеры-освободители, выпестованные великой партией Ленина – Сталина».

Директива Военного совета и Политуправления 12-й армии указывала, что «наша борьба с польскими помещиками и капиталистами есть война революционная и справедливая. Мы вступаем на свою землю, идем и освобождаем трудящихся от ига польского капитализма». Задача предстоящего похода, как было объяснено командному составу, состояла в

том, что «панская Польша должна стать Советской».

В частях, как водится, провели митинги и собрания, на которых бойцы били себя в грудь, одобряли решение советского правительства, клялись выполнить свой интернациональный долг, умножить количество советских республик и бить врага так, «как уничтожали его в годы Гражданской войны». Но были и другие, нездоровые, мнения. Их не высказывали на комсомольских собраниях, их старательно фиксировали сексоты: «Советский Союз стал фактически помогать Гитлеру в захвате Польши. Пишут о мире, а на самом деле стали агрессорами. Население Западной Украины и Белоруссии не нуждается в нашей помощи, а мы ее захватываем и только формально сообщаем, что не воюем, а становимся на их защиту». Отдельные красноармейцы, вроде бойца Харченко, проявляли незаурядную проницательность: «СССР и Германия при заключении договора, очевидно, договорились между собой о разделе Польши и теперь это практически осуществляют». Но не о них писали республиканские и армейские газеты, а о тех, у кого «сердце горит пламенем под ленинским знаменем». Газеты писали о красноармейце товарище Дьячкове: «С радостью иду на помощь белорусскому народу. Мы победим, ибо нас ведет партия большевиков. Прошу принять меня в партию».

К этому времени соединения 3-й германской армии, наступавшие с севера, соединились в районе Влодавы с войска-

ми 10-й армии. Кольцо окружения польских сил восточнее Варшавы сомкнулось.

В Коломые маршал Рыдз-Смиглы ожидал нового «чуда на Висле». Юзеф Бек выяснил наконец, что посла Григореску отозвали в Бухарест, и теперь министр гадал относительно намерений Румынии. Польское правительство продолжало пребывать в счастливом неведении относительно намерений Сталина, вернее, просто старалось об этом не думать. На «румынском плацдарме» принимали гитлеровскую радиостанцию Бреслау, вещавшую на польском языке и трубившую о концентрации значительных советских сил на границе: «Понятно, какие выводы следует сделать из этой новости». Правительство Мосцицкого не сделало никаких.

Между тем союзники считали выступление Советского Союза против Польши делом ближайших дней, если не часов, и вели оживленное обсуждение данного вопроса с целью выработки согласованной позиции. Причем прожженные колонизаторы прекрасно понимали смысл сталинской игры. Французский посол в Великобритании Андрэ Корбин 16 сентября писал премьеру Даладье: «Как Вы и предполагали, ограниченная акция, которую СССР может предпринять против части территории Польши, находящейся под угрозой немецкого вторжения, не должна, конечно, повлечь за собой немедленной дипломатической реакции с нашей стороны. Подобный автоматизм был бы на руку только Германии, заинтересованной в углублении пропасти между СССР

и западными союзниками. Пока для СССР существует возможность маневрировать между двумя группировками государств, мы должны позволить ему воспользоваться этой возможностью. Может случиться так, что однажды мы сумеем использовать неоднозначность и настороженность СССР в отношении Германии... Важно не отвергать ни одного из путей, который Россия оставит открытым, даже самых запутанных, не разорвать ни одного из существующих контактов до тех пор, пока СССР не окажется определенно в противоположном лагере».

В 18 часов Молотов встретился с Шуленбургом и заявил ему, что советское правительство решило вмешаться в польские дела завтра или послезавтра и вскоре он уже сможет точно назвать день и час. Нарком отклонил предложение Риббентропа о публикации совместного коммюнике и сообщил мотивировку действий СССР. Вячеслав Михайлович согласился, что предлог для вторжения несколько обиден для немецких чувств, но ничего лучше придумать не удалось: «Советское правительство, к сожалению, не видело какого-либо другого предлога, поскольку до сих пор Советский Союз не беспокоился о своих меньшинствах в Польше и должен был, так или иначе, оправдать за границей свое теперешнее вмешательство».

В 2 часа ночи 17 сентября германского посла принял Сталин и, в присутствии Молотова и Ворошилова, сообщил, что Красная Армия в 6 утра перейдет границу с Польшей. Ген-

сек просил Шуленбурга передать в Берлин, чтобы немецкие самолеты не залетали восточнее линии Белосток – Брест – Львов, и зачитал ноту, подготовленную для передачи польскому послу в Москве. После уточнения текста, сделанного по предложению Шуленбурга, германский посол покинул Кремль.

В 2.15 зазвонил телефон в польском посольстве, господина Гжибовского просили срочно прибыть для вручения важного заявления советского правительства. Вспоминая эту ночь, бывший посол бывшей страны писал: «Внутренне я был готов к плохим новостям. Предполагал, что Советы под каким-нибудь предлогом денонсируют пакт о ненападении. Но то, что случилось, оказалось намного хуже».

В три часа ночи В.П. Потемкин с каменным лицом зачитал послу знаменитую «непринятую» ноту:

«Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства... Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать... Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная сама себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское

правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам...

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными. Ввиду такой обстановки, советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность начать новой жизнью».

Ошарашенный Гжибовский, объявленный послом «переставшего существовать» государства, заявил категорический протест по поводу содержания и формы состряпанного в Кремле документа. По его разумению, правительство находилось на территории Польши, вооруженные силы давали немцам организованный отпор, а военные неудачи соседа – не повод для отказа от своих международных обязательств. Гжибовский наотрез отказался принимать ноту, пообещав просто известить свое правительство о факте советской агрессии. Такая нестандартная реакция озадачила

заместителя наркома, и он отправился консультироваться с Молотовым. После совещания с начальством Василий Петрович вновь безрезультатно пытался вручить ноту, а под конец объяснил строптивому послу, что поскольку отныне Москва не признает существования Польского государства, постольку Гжибовский со товарищи уже не являются ничьи-ми представителями и теряют дипломатическую неприкосновенность. Они теперь – просто группа «лиц польской национальности», проживающая на территории СССР и подпадающая под юрисдикцию советских законов со всеми вытекающими последствиями. В ответ Гжибовский пообещал внести протест на рассмотрение старшины дипломатического корпуса в Москве. Пикантность ситуации состояла в том, что дуайеном значился посол Германской империи 64-летний граф Шуленбург, а его заместителем сам Гжибовский.

Нота осталась на столе Потемкина, когда в 4.30 польский дипломат покинул его кабинет. Однако, вернувшись в посольство, он снова увидел злосчастный текст, доставленный нарочным. Посол приказал отвезти документ обратно, но в наркомате иностранных дел его принять отказались. Тогда поляки положили ноту в конверт, наклеили марки, написали адрес советского НКИДа и бросили конверт в ближайший почтовый ящик.

Текст этой ноты был передан всем государствам, которые имели дипломатические отношения с Советским Союзом, с уведомлением, что СССР будет продолжать придерживаться

нейтралитета в отношении этих стран.

Аргументация советского вмешательства была повторена в радиовыступлении Молотова 17 сентября: Польша распалась, правительства у нее нет. На месте признанного всем миром государства образовались «дикие территории», на которых обитают неприкаянные беззащитные народы. Мы дадим им защиту, мирную жизнь и самое мудрое правительство. (То самое, о котором в 1941 году Сталин скажет: «Ленин нам доверил первое в мире социалистическое государство, а мы его просрали». И о нем же в 1945-м, подводя итоги: «Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство...»)

Приложение к статье III уже упоминавшейся конвенции утверждало, что и это не повод, ибо никакой акт агрессии не может быть оправдан, между прочим, одним из следующих обстоятельств:

«А. Внутренне положение государства, например, его политический, экономический или социальный строй; недостатки, приписываемые его управлению; беспорядки, происходящие от забастовок, революций, контрреволюций или гражданской войны.

Б. Международное поведение Государства, например, нарушение или опасность нарушения материальных или моральных прав или интересов иностранного Государства или его граждан, разрыв дипломатических отношений; меры

экономического или финансового бойкота; споры, относящиеся к экономическим, финансовым или другим обязательствам перед иностранными Государствами; пограничные инциденты, не подходящие ни под один из случаев агрессии, указанных в Статье II».

В 5 часов утра Гжибовский открытым текстом дал своему правительству радиограмму, извещающую о советской агрессии.

Командование Вермахта приказало своим войскам не пересекать линии Сколе – Львов – Владимир-Волынский – Брест – Белосток.

Армии Белорусского и Украинского фронтов развернулись в исходных районах для наступления. Советская группировка объединяла 8 стрелковых, 5 кавалерийских и 2 танковых корпуса, 21 стрелковую и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых и 2 мотострелковые бригады, а также Днепровскую военную флотилию, всего – 617 588 бойцов и командиров, 4959 орудий и минометов, 4733 танка, 3298 самолетов. Кроме того, на границе несли службу около 16,5 тысячи бойцов НКВД Белорусского и Киевского пограничных округов.

Польша для войны с Германией сумела выставить около миллиона человек, примерно 900 единиц бронетехники, в том числе 315 танков (из них 102 архаичных «Рено» FT-17), 4300 артиллерийских орудий и 407 боевых самолетов. Все эти силы были брошены на Запад.

К моменту советского вторжения Войско Польское уже потерпело сокрушительное поражение, утратив в ожесточенных боях значительную часть боевой техники. Фронт фактически рухнул, остатки наиболее крупных группировок были окружены и методично уничтожались немцами. Германские войска штурмовали Львов и Брестскую крепость. Первый опыт блицкрига, несмотря на отдельные неувязки, оказался удачным. Но еще гремела битва на Бзуре, держались Варшава и Модлин, готовилась новая линия обороны на «румынском плацдарме», польская армия продолжала сражаться, надеясь на помощь союзников и стремясь нанести противнику возможно больший ущерб.

На восточной границе Польши протяженностью 1500 километров, кроме 25 батальонов и 7 эскадронов Корпуса Охраны Пограничья (КОП) общей численностью 12 тысяч человек, других войск практически не имелось. К тому же лучшие части пограничников тоже дрались на западе, в то время как подразделения на восточной границе в значительной степени были укомплектованы резервистами. К примеру, по данным штаба 4-й армии, «погранполоса до р. Щара полевыми войсками не занята, а батальоны КОП по своей боевой выучке и боеспособности слабы... Серьезного сопротивления со стороны польской армии до р. Щара ожидать от поляков маловероятно».

Советские стратеги получили идеальные условия для проведения своего, «красного блицкрига»: бить предстояло уже

измордованного противника, имея многократное превосходство в силах и средствах, причем бить в спину.

Как бы ни называла наша пропаганда и историография операцию по присоединению Западной Украины и Западной Белоруссии, какие бы ярлыки ни клеила – это была война, с убитыми, ранеными, пленными, схватками и обороной городов, жертвами среди мирного населения и военными преступлениями. Недаром Сталин говорил о советско-германском братстве, скрепленном кровью.

Утром 17 сентября начался Освободительный поход – Советский Союз вступил во Вторую мировую войну с самыми гуманными намерениями – защитить славян «единокровных» и подарить «новую жизнь» полякам, имевшим несколько другую группу крови.

В воскресное утро, без объявления войны, как принято у всех агрессоров.

В 5 часов утра, «в точно установленный правительством срок», передовые штурмовые отряды советских армий и пограничных войск перешли границу и разгромили польскую пограничную охрану.

Для польского руководства вмешательство СССР (или, по определению самого Молотова, интервенция под благовидным предлогом) оказалось совершенно неожиданным. А ведь еще в июне 1939 года Рыдз-Смиглы «допускал возможность вооруженного выступления Советов против Польши,

но лишь в заключительный период войны и только тогда, когда под воздействием неблагоприятного для нас развития событий российское правительство будет уверено, что поляки кампанию, безусловно, проиграли». Что же тогда маршала так удивило? Другое дело, что значительная часть польских политиков, военных и населения верила в нерушимость польско-советского договора о ненападении и вообще пребывала в заблуждении, что «Россия – большая, ей больше земли не надо».

«В любом случае, – утверждает историк Кароль Лисневский, – весть о советской агрессии прозвучала как гром с ясного неба».

В ночь на 17 сентября в штаб главнокомандующего стали поступать тревожные донесения с восточной границы. Начальник разведки корпуса пограничной охраны майор Я. Гурбский сообщил о том, что польский пассажирский поезд не был пропущен до Киева и вернулся в Здолбунов. В 6.45 майор Ю. Беньковский из 5-го представительства 2-го отдела Генштаба в Чорткове донес, что «с 5 часов в районах Подволочиска, Гусятина и Залуче какие-то неопознанные из-за темноты части пытаются перейти границу. В данную минуту там ведут бой части КОП». Около 7 часов капитан Е. Фризендорф из разведки КОП сообщил: «В 6.20 опознано, что это большевистские регулярные части. За ними слышен шум моторов. В районе Подволочиск, Точиск и Секержинец части КОП отступают под напором противника».

Командир полка КОП «Подолье» подполковник Марсель Котарба докладывал, что «части Советской армии перешли границу и заняли Подволочиск, Гусятин и Скала-Подольска. На Борщев движется кавалерия», пограничники ведут бой. От командира гарнизона в Луцке генерала бригады Петра Скуратовича была получена телеграмма: «Сегодня в 6 часов границу перешли три советские колонны – одна бронетанковая под Корцем, другая бронетанковая под Острогом, третья кавалерии с артиллерией под Дедеркалами. Большевики едут с открытыми люками танков, улыбаются и машут шлемами. Около 10 часов первая колонна достигла Гощи. Спрашиваю, как мы должны поступить?»

Поведение советских войск выглядело странным и непонятным. Они, как правило, не открывали огня первыми, порой размахивали белыми флагами, к польским войскам относились с демонстративной доброжелательностью, угощали папиросами, поздравляли, говорили, что пришли на помощь полякам в борьбе против немцев (и, все так же улыбаясь, отнимали оружие). Летчики, на учебных машинах вылетавшие с подвильенского аэродрома к границе, по возвращении сообщали, что русские боевые самолеты пристраивались к ним в воздухе, а их пилоты подавали знаки руками и не стреляли. В условиях дефицита информации польское военное и административное руководство оказалось дезориентировано, жители, питаемые слухами и надеждами, готовы были скорее поверить в советскую помощь, чем в свершившийся факт

четвертого раздела Речи Посполитой. На местах ждали указаний главкома. Командовавший обороной Варшавы генерал Руммель предложил не вести боевые действия на два фронта и относиться к СССР, как к союзнику. Свою оценку ситуации он довел до Верховного командования и, чего никак не имел права делать, до руководства оперативной группы «Полесье». Некоторые войсковые командиры самостоятельно приняли решение не стрелять по советским войскам. Так, в Дубно командир зенитной батареи, открывшей стрельбу по приближающейся к городу группе самолетов, немедленно приказал прекратить огонь, опознав советские машины. Донесения, поступавшие в Главную квартиру, свидетельствовали, что армия новому противнику сопротивления практически не оказывает: «Поручик Трибулец, следуя из Чорткова в Городенку, встретил около 80 советских танков. Разговаривал с советскими солдатами, которые утверждали, что сегодня ночью Советы объявили войну Третьему рейху... На въезде в Городенку он встретил незнакомого майора, который на вопрос о советских танках ответил, что в каком-то штабе видел переданный по телефону приказ о том, чтобы не препятствовать продвижению советских подразделений».

Совершенно замечателен факт, что польский генералитет, которому по долгу службы и задумываться на эту тему не положено, ломал головы над политическими проблемами, рассуждал о намерениях вторгнувшихся на территорию страны иностранных войск и, вместо того чтобы думать об органи-

зации сопротивления (хотя бы подготовить к подрыву мосты через Прут и Днестр), с пристрастием выяснял по телефону, стреляют ли красноармейцы или угощают папиросами, и приказывал высылать навстречу советским войскам парламентариев с дурацким вопросом – в каком качестве Красная Армия перешла границу Польши? Верно уж, нам помочь? Назначенные офицеры выехали «к большевикам», да так и не вернулись.

Польское руководство, не получившее еще донесение Гжибовского и поставленное перед свершившимся фактом, решило, что Красная Армия вводится с целью ограничить зону германской оккупации. А ведь достаточно было настроиться на московское радио, которое передавало речь Молотова. Однако никто в Коломые и Кутах советского радио не слушал, ничего не было предпринято для того, чтобы на весь мир объявить о своем «местонахождении» и зафиксировать тот факт, что Польское государство существует, его правительство находится на польской территории, а его армия продолжает сражаться.

Заседание правительства состоялось в Коломые около полудня. Предстояло неотложно решить ряд самых важнейших вопросов: принять политическую декларацию и оповестить весь мир о советском вторжении, потребовать от Англии и Франции признать Советский Союз агрессором и союзником Гитлера, объявить войну СССР (страну, находящуюся в состоянии войны с вторгнувшимся на его территорию со-

седом, было бы трудно признать «несуществующим государством»), дать четкие директивы армии, всеми имеющимися силами организовать оборону «румынского плацдарма» и удерживать его до последней возможности, подготовить обращение к народу. Словом, «подать признаки жизни», на деле доказать, что товарищ Молотов в корне не прав.

Практически ни одна из этих проблем «незадачливыми правителями» не рассматривалась. (Кстати, в июне 1936 года Польша препятствовала принятию международных санкций против Италии, захватившей территорию Абиссинии, именно ввиду того, что последняя, по словам Бека, «как государство перестала существовать».

«Чехословацкую республику мы считаем искусственным образованием... противоречащим действительным потребностям и правам народов Центральной Европы» – это инструкция Бека послу в Берлине. Добалансировался... Бог шельму метит.)

Основной темой обсуждения стал вопрос об эвакуации «отцов отечества» через Румынию во Францию с целью там «продолжить борьбу». Из всех членов правительства один только премьер Складовский, считавшийся человеком недалеким и, как писал Бек, «не понимавший роли правительства», засомневался, имеет ли уважаемое собрание право в такой момент бросать на произвол судьбы свой народ и полумиллионную армию. «Мы должны удерживать отдельные пункты, – утверждал генерал, – такие, как Хель, Варшава,

Модлин, Львов, чтобы Гитлер не мог объявить миру, что польское сопротивление закончилось, что государствам Запада не для чего теперь сражаться. Мы должны продолжать нашу борьбу с политическими целями». Однако поддержки идея не получила.

Войну Советскому Союзу решили не объявлять, посчитав, что это облегчит судьбу военнопленных и населения. В итоге все граждане Польши, проживавшие на территории «Крэсов Восточных», оказались бывшими жителями бывшего государства, абсолютно бесправными во всех отношениях, взятые в плен солдаты и офицеры – не военнопленными, а обычными антисоветчиками и уголовниками. По этим статьям им лепили потом «пять лет без права переписки». Заодно было принято легкомысленное решение освободить от союзнических обязательств Румынию, с которой имелся договор о взаимопомощи, заключенный именно на случай войны с СССР.

Верховный главнокомандующий наконец-таки выразил твердое намерение отправиться в действующую армию, к генералу Соснковскому, но потом заявил, что задержится в Коломые до наступления темноты – поразмышлять над столь ответственным решением. Еще через полтора часа маршал выехал в Куты, к самой румынской границе, вновь опередив гражданские власти.

Впавший в прострацию президент на совещание, решившее судьбу Речи Посполитой, вовсе не приехал.

Министр Бек сразу после собрания встретился с румын-

ским послом и обговорил с ним условия транзита польского правительства.

В 16 часов в Кутах состоялось еще одно совещание, на этот раз собрались все. Верховный главнокомандующий доложил президенту Мосцицкому, что военная ситуация безнадежна, никаких сил для обороны «румынского плацдарма» у него не имеется и что правительству придется оставить территорию страны в ближайшие часы. Сигналом к эвакуации должно стать пересечение советскими отрядами линии Днестра. О дальнейших планах Главного штаба пан маршал промолчал. Его никто и не спрашивал. Куда больше участников занимал вопрос, успеют ли они в короткий срок собрать все необходимое для «продолжения борьбы». Начальник канцелярии Станислав Лепковский быстренько набросал обращение к народу, в котором Мосцицкий «с тяжелым сердцем» оный народ уведомлял, что «постановил перенести место пребывания президента Речи Посполитой и высших органов государственной власти на территорию одного из наших союзников».

В это же время Главный штаб начал передавать в войска общую директиву маршала Рыдз-Смиглы, утвержденную им, как утверждают польские авторы, без ведома занятого упаковкой чемоданов правительства: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае атаки с их стороны либо попытки разоруже-

ния наших частей. Задача для Варшавы и Модлина, которые должны защищаться от немцев, без изменений. Части, к расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию или Венгрию». Продолжать сопротивление было приказано лишь частям КОП, отступавшим от Збруча к Днестру, и частям, прикрывавшим «румынское предмостье».

Генерал Стахевич, из Коломыи связавшись по телефону со Станиславом, так разъяснял смысл этого уникального документа: «Большевики, как докладывают, нас не атакуют, утверждая, что идут против немцев. В это, конечно, поверить невозможно, однако Верховный главнокомандующий хочет воспользоваться тем обстоятельством, что они не атакуют, и вывести как можно больше войск и боевой техники в Румынию».

Теоретически данный приказ могли выполнить только те польские подразделения, которые находились на юге, в Львовском и Станиславском воеводствах. Как должны были поступить почти 200 тысяч солдат и офицеров севернее? Сражаться дальше? Сдаваться в плен? Кто будет вести «переговоры с Советами»? Для чего спасать боевую технику? Для продолжения борьбы на Западе? Так ведь любому должно быть ясно, что и Венгрия, и освобожденная от союзнических обязательств, а значит, ставшая нейтралом Румыния просто будут обязаны, согласно нормам международного права, польские войска разоружить и интернировать.

Наступление Красной Армии поставило польские вооруженные силы в безвыходное положение. Директива о «непротивлении» окончательно их деморализовала. Дальнейшее сопротивление теряло всякий смысл. Хотя довольно быстро выяснилось, что Советы – не союзники полякам, Советы пришли «взять свое».

Отдав последние распоряжения, генерал Стахевич начал «выводить» к румынской границе Главный штаб. Вечером распространилось известие, что советские танки уже совсем близко. С 20 часов началось бегство. Дорога от Косова до Кут вмиг оказалась плотно забита автомобилями всех марок и типов. В эту ночь по мосту в румынскую Вижницу перешли 23 000 поляков. Всеобщее изумление вызвало появление на румынском берегу в 2 часа ночи маршала Рыдза-Смиглы и его Главного штаба в полном составе. Все члены правительства отчего-то были уверены, что Верховный главнокомандующий до конца останется с армией.

Однако идея фикс о своем высоком предназначении мешала Эдварду Рыдзу «примитивно» исполнить свой воинский долг. «Не было для меня более легкого дела, чем найти смерть по пути от Косова до границы, – писал он в декабре 1939 года. – Не было ничего легче, как присоединиться к ближайшему отряду либо самолетом добраться до осажденной Варшавы или группы «Кутно». Однако когда я отбросил мысли о своей особе и подумал о том, кто же будет дальше вести эту войну и защищать польские интересы не

только перед неприятелем, но и перед союзниками, то решил не поддаваться личным желаниям, не искать легкого пути – но продолжать борьбу дальше».

Но кому нужны политики и полководцы, приведшие к катастрофе собственную страну и сбежавшие, как нашкодившие коты? Через мост в Вижницах проследовали в эмиграцию политические трупы. Как и следовало ожидать, румыны объявили об интернировании и посадили «продолжателей борьбы» под замок. В новом польском правительстве будут совсем другие люди.

Коммунистическая литература постоянно акцентировала внимание на том аспекте, что «верное своему интернациональному долгу» советское правительство вынуждено было «осуществить дипломатические и военные акции, чтобы защитить население Западной Украины и Западной Белоруссии от фашистского порабощения», по причине и именно «после бегства польского правительства в Румынию», бросившего народ и страну «на произвол судьбы», полагая это веским доводом в оправдание интервенции. Не случайно «История Второй мировой войны», изданная под эгидой четырех институтов, утверждает, что вышеозначенное «бегство» состоялось 16 сентября. А генерал армии С.М. Штеменко, направленный из Академии Генштаба в Киев, сообщает, что ему чуть ли не 13–14 сентября «стало известно, что правительство Польши нашло приют в боярской Румынии».

Хотя прослеживается скорее обратная связь. Польское

правительство и военное командование перешли румынскую границу в ночь на 18 сентября. Через двенадцать часов в Коломью ворвались «бэтушки» 23-й танковой бригады.

Польские послы в Великобритании и Франции 17 сентября уведомили союзные правительства о том, что Советский Союз «предпринял нападение на Польшу... польское правительство заявило протест в Москве и дало указание своему послу потребовать паспорта». Они просили союзников также выразить «решительный протест» и констатировать, что СССР совершил явную агрессию. Однако ни посол Рачинский, ни посол Лукасевич не могли внятно объяснить собеседникам, считает ли Польша себя находящейся в состоянии войны с Советским Союзом. Если нет, на каком основании альянс должен выражать Москве «решительный протест» и какого рожна правительство оставило страну, не объявив войну?

«Не вижу, какую пользу могла бы принести нам война с Советским Союзом, – высказывал свое мнение из Москвы посол Сидс, – хотя лично я был бы весьма рад уведомить о ней господина Молотова». На заседании британского кабинета было решено, что Англия «подписывалась» защищать Польшу только в случае агрессии со стороны Германии. И в Париже, и в Лондоне единодушно пришли к выводу, что полезней будет ограничиться протестом не слишком «решительным», поддержать поляков морально, но отношений с

Советским Союзом не обострять. Польша уже выбыла из числа активных игроков на международной арене, а способствовать укреплению германо-советского союза враждебными действиями невыгодно для Запада.

19 сентября британское правительство заявило, что выражает свое «глубокое несогласие с утверждением, что «польское государство и его правительство фактически перестали существовать», а также приведенными советским правительством доводами в пользу подобного толкования вопроса. Со своей стороны правительство Великобритании признает правительство Польши законной властью и поэтому не может одобрить точку зрения, согласно которой нынешние обстоятельства могли оправдать разрыв советским правительством его договоров с Польшей и вытекающее из этого вторжение советских вооруженных сил на территорию Польши».

Французы также приняли советскую ноту к сведению и 20 сентября дали свой ответ, в котором, в частности, говорилось: «Вводя свои вооруженные силы на территорию государства, в данное время находящееся в состоянии войны на стороне Франции и без согласия этого государства, советское правительство совершает действия, которые сами по себе трудно согласуются с понятием нейтралитета, который, как декларируется, он хочет сохранить в отношениях с Францией. Учитывая эти два разных факта и желая достоверно убедиться, какие отношения советское правительство хочет сохранить, французское правительство любезно про-

сит объяснить причины, приведшие к решению предпринять действия против Польши, а также характер, размах и продолжительность операции, масштабы которой мы пока не в состоянии оценить».

Англо-французские дипломаты и эти заявления считали излишне резкими, сделанными в угоду общественному мнению, требовавшему чуть не объявления войны СССР.

В Москве Вацлав Гжибовский обратился к британскому послу с просьбой взять под свою опеку польских граждан на территории СССР. Проконсультировавшись с Лондоном, сэр Сидс согласился. Сначала польские дипломаты хотели направиться в Румынию, но под влиянием слухов, что и туда может вскоре вторгнуться армия-освободительница, решили направиться через Финляндию в Швецию. Но тут товарищ Молотов заявил, что никуда они вовсе не уедут до тех пор, пока не будут «освобождены» поляками советские сотрудники, оставшиеся в осажденной немцами Варшаве. В сложившейся ситуации неоценимую помощь коллегам оказал Шуленбург, потребовавший соблюдения международных правил. Он же связался с командованием Вермахта и организовал эвакуацию из Варшавы советского персонала. Одновременно власти прибирали к рукам «бесхозную» собственность – здания и имущество польских представительств в Москве, Ленинграде и Киеве. Ночью 30 сентября был вызван в представительство наркомата иностранных дел и бесследно исчез Генеральный консул в Киеве Ежи Матушин-

ский вместе с двумя своими сотрудниками. На все запросы поляков об их судьбе Молотов разводил руками – наверное, куда-то сбежали (через два года у Сталина поинтересуются: куда пропали тысячи пленных офицеров? – «убежали в Китай»). Наконец, 10 октября польские дипломаты и их семьи смогли покинуть СССР: вместе с Гжибовским в запломбированном поезде выехало 115 человек.

Пока дипломаты обменивались нотами, советские войска стремительно развивали наступление.

Начиная с вечера 17 сентября агентство ТАСС ежедневно озвучивало «оперативные сводки Генштаба» ни с кем не воюющей Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Преследуя собственные цели, в сговоре с Берлином, Москва объективно помогала Гитлеру добить противника, ускорить окончание войны в Польше (кстати, фюрер, планируя «убедительный» разгром Польши, тем не менее предполагал, что боевые действия могут занять от шести до восьми недель), чтобы с 20 сентября начать переброску войск на Запад.

Белоруссия родная...

На правом фланге Белорусского фронта от латвийской границы до Бегомля развернулась 3-я армия, нацеленная на Вильно. Главный удар наносили 4-й стрелковый корпус

(50-я и 27-я стрелковые дивизии) и подвижная группа в составе 24-й кавалерийской дивизии и 22-й танковой бригады (219 танков Т-26) под общим командованием командира дивизии комбрига П. Ахлюстина. Советские подразделения быстро разгромили польскую пограничную стражу, убив 21 и пленив 102 человека, и уже к 8 часам утра 17 сентября подвижная группа заняла Докшицы, к 18 часам – Дуниловичи. Здесь танки остановились по причине отсутствия горючего: храбрый комдив-кавалерист отказался пропустить впереди славных конников тыловую колонну танковой бригады. Значительно отстала пехота: 27-я Омская имени Итальянского пролетариата стрелковая дивизия заняла в 12 часов Парафианово и подходила к реке Сервечь, 50-я стрелковая дивизия заняла Крулевщизну.

С неба «сталинские соколы» пачками разбрасывали «Обращение командующего Белорусским фронтом». Листовки носили ярко выраженный антипольский и антигерманский характер, Риббентропу они бы определенно не понравились:

«Братья Белорусы!

Почти двадцать лет вы находитесь под гнетом польских панов, помещиков и капиталистов. Они забрали у вас землю и обрекли на нищету и голод. Земли белорусских и украинских крестьян заселяются польскими помещиками, осадниками, военными колонистами. Вас душили большими налогами, сборами и повинностями. Помещики делали все, чтобы вас, честных тружеников белорусов, сделать нищими.

Паны и помещики высасывают из вас последнюю кровь..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.